

INSPIRIA

18+

ЭЛИЗАБЕТ ФРИМАНТЛ
СОПЕРНИЦА
КОРОЛЕВЫ

Забывтая история любви при дворе Елизаветы I

INSPIRIA

Трилогия Тюдоров

Элизабет Фримантл
Соперница королевы

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Фримантл Э.

Соперница королевы / Э. Фримантл — «Эксмо»,
2015 — (Трилогия Тюдоров)

ISBN 978-5-04-196237-1

Долгожданное продолжение королевского цикла! Идеально для любителей романов Хилари Мантел и Филиппы Грегори. Понравится всем, кому по душе «Тюдоры», «Игра престолов», «Корона». «Соперница королевы» – третья книга цикла Элизабет Фримантл о выдающихся женщинах английской истории. Она повествует о судьбе Пенелопы Деверо (в замужестве Рич), которая смогла завоевать положение при дворе благодаря силе характера.

Для поэта Филиппа Сидни она была музой, для королевы Елизаветы I – дочерью заклятого врага, для короля Якова – «красавицей с черной душой». Жизнь Пенелопы проходила в тени блестящих современников, но Элизабет Фримантл вывела героиню на авансцену. Наделенные красотой и обаянием, юная Пенелопа и ее брат, граф Эссекс, прибывают ко двору и быстро завоевывают расположение стареющей королевы Елизаветы. Пенелопа влюблена в одного, а замуж ее выдают за другого, ведь жизнь при дворе – это не только разбитые сердца, но и разрушенные судьбы. «Соперница королевы» – это история, наполненная любовью и ненавистью. Это последние моменты правления Елизаветы и смертельная борьба за власть в умирающей династии. Это судьба необыкновенной женщины, достойной аплодисментов. «Сохранить внутренний стержень и не сломаться, находясь в водовороте политических интриг и теряя тех, кого любишь, не считаться с мнением окружающих, - это ли не подвиг для того времени?» – АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА, писательница

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-196237-1

© Фримантл Э., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Дуэль	8
Октябрь 1589,	9
Ноябрь 1589,	15
Часть первая	17
Январь 1581,	18
Февраль 1581,	23
Февраль 1581,	28
Май 1581,	31
Ноябрь 1581,	38
Ноябрь 1581,	45
Декабрь 1581,	51
Март 1582,	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Элизабет Фримантл

Соперница королевы

Elizabeth Fremantle
Watch The Lady

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Elizabeth Fremantle

First published as WATCH THE LADY in 2015 by Michael Joseph

Michael Joseph is part of the Penguin Random House group of companies

© Хохлова Ю., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Дуэль

*Стелла, свет звезды небесной,
Стелла, луч во тьме над бездной.*

Сэр Филип Сидни, «Астрофил и Стелла»¹

---

¹ Перевод В. Леванского.

Октябрь 1589, Лестер-хаус, Стрэнд

Капли воска с шипением падают на бумагу, в воздух поднимается едкий дымок. Пенелопа прикладывает печать, слегка поворачивает, чтобы оттиск получился смазанным. Стоит ли отправлять это письмо? Попади оно не в те руки, его автор окажется на плахе за государственную измену.

– Значит, ты считаешь... – обращается она к Констеблю, стоящему у нее за спиной.

– Считаю, вы слишком рискуете.

– Я должна обеспечить будущее семьи. Королева уже немолода. Если с ней... – Пенелопа настороженно оглядывает комнату; за шторами могут притаиться слуги, готовые продать драгоценные сведения тому, кто больше заплатит. – На жизнь ее величества покушались, и не раз, а наследника она так и не назначила. – Нет нужды объяснять: к короне Елизаветы приковано внимание всей Европы. – Род Деверо нуждается в надежных союзниках.

– А Яков Шотландский – самый вероятный претендент на английский престол.

– Так говорят. – Пенелопа твердо завершает обсуждение. Об этом вопросе многократно говорили с ее братом и матерью, которая разбирается в дипломатии лучше, чем все они, вместе взятые. – Я поступаю так не ради себя, а ради Эссекса. Моему брату нужны могущественные друзья. – Она вручает Констеблю письмо.

Тот легонько проводит пальцем по бумаге, словно по коже возлюбленной.

– Если оно попадет не в те руки...

Речь, разумеется, о Роберте Сесиле, сыне лорда-казначея Берли, крепко держащего бразды правления Англией. У Сесила везде глаза и уши.

Пенелопа загадочно улыбается:

– Это не более чем предложение дружбы, к тому же исходящее от дамы. – Она изящным жестом прикладывает ладонь к груди и округляет глаза, будто желая показать, что слова женщины не имеют никакого веса. – Тайные сношения с правителем другой страны могут повредить Эссексу, однако если переписку веду я... – Она с показным смирением склоняет голову. – Полагаю, подобное послание совершенно безобидно.

– Письмо от дамы? – смеется Констебль. – Ну конечно, никто ничего не заметит.

Остается молить Господа, чтобы так оно и было.

– Ты уверен, что готов выполнить мое поручение?

– Для меня величайшее удовольствие – служить вам, миледи.

У Пенелопы нет причин сомневаться в его словах. Констебль сочинил не менее сотни стихов в ее честь, и не он один. Вокруг Эссекса увиваются поэты и философы; они притягиваются к нему, словно железные опилки к магниту, из кожи вон лезут, дабы заслужить расположение, в частности воспевая хвалы его сестре. Тем не менее, несмотря на бесчисленные рифмованные банальности, превозносящие ее красоту, – глаза словно звезды, локоны, подобные золотому руно, голос, как у соловья, белоснежная мраморная кожа, – мужчина, за которого Пенелопу выдали замуж, не скрывает своего к ней отвращения. Красота хороша для сонетов, однако хрупка, словно яичная скорлупа, и столь же непроницаема; невозможно разглядеть, что под ней скрывается.

– Передай письмо королю лично в руки. – Пенелопа отлично понимает, насколько опасна эта задача. Впрочем, Констеблю не впервой выполнять столь деликатные поручения.

– Но как мне к нему приблизиться? – помедлив, говорит он.

– Ты же поэт; используй свой дар. Моя печать поможет проникнуть в королевские покои, – она кладет ему на ладонь свой перстень. – В конце концов, я – сестра графа Эссекса, фаворита самой королевы, и ее внучатая племянница; разве этого мало? – В голосе невольно

пррезаются жесткие нотки. Констебль неуверенно переступает с ноги на ногу. Чтобы его подбодрить, Пенелопа милостиво улыбается. – Храни перстень отдельно от письма. А если король попросит дополнительных доказательств, передай ему вот это, – она достает из позолоченной шкатулки свой миниатюрный портрет.

– Хиллиард² неточно передал ваши черты, – задумчиво произносит Констебль. – В жизни вы намного красивее.

– Пустяки, – отмахивается Пенелопа. – Внутренняя красота важнее внешней. Для моей цели сходство с оригиналом вполне удовлетворительное.

Констебль прячет перстень, портрет и письмо за пазуху.

Спаниель Сперо лает и скребется в дверь, порываясь выйти. Слышится лязг отворяемых ворот, цокот копыт по булыжникам и тревожные выкрики.

В комнату врывается Жанна, компаньонка Пенелопы.

– Скорее, твой брат ранен. – Из-за французского акцента ее слова не кажутся столь пугающими.

– Как? Когда? – Подобно молоку, оставленному над огнем без присмотра, в душе Пенелопы вскипает паника. Усилием воли она берет себя в руки.

– Меррик говорит, на дуэли. – Лицо у Жанны пепельно-серое от страха.

– Рана тяжелая? – Девушка молча кивает. Пенелопа берет ее под руку и обращается к спускающемуся по лестнице Констеблю: – Отправь слугу за доктором Лопесом.

– Ему нужен не лекарь, а хирург, – возражает тот.

– Я полностью доверяю доктору Лопесу. Он знает, что делать.

Они спускаются в холл. Эссекс уже там; его поддерживают двое мужчин. Впереди – верный Меррик, широкоплечий, коренастый: на веснушчатом лице написано беспокойство, глаза возбужденно сверкают из-под бесцветных ресниц. Он приглаживает волосы ладонью; на ней темнеет кровавое пятно.

– Принесите горячей воды! – приказывает Пенелопа глазающим слугам. Жанна вся дрожит; она не выносит вида крови, поэтому отправляется в прачечную за бинтами.

Эссекса положили на стол; он полусидит-полулежит, опершись на локти и стиснув зубы. Гордость не позволяет ему проявлять слабость.

– Просто царапина. – Он откидывает плащ. На бедре глубокий порез; кровь, обогрившая белые шелковые чулки, стекает в сапог.

– Меррик, дай мне нож, – говорит Пенелопа.

Тот непонимающе смотрит на нее.

– Надо срезать чулок. А ты о чем подумал? – И снова в ее голосе звучат невесть откуда взявшиеся резкие нотки. – Помоги снять с него сапоги. – Она обеими руками берется за каблук, стаскивает сапог и осторожно приподнимает ткань. Кровь уже запеклась и присохла. Эссекс морщится, отворачивается. Пенелопа разрезает чулок от бедра до колена. – Не так плохо, как я опасалась. Рана неглубокая. Выживешь.

Она легонько целует брата в щеку, чувствуя невыразимое облегчение.

Служанка ставит таз с горячей водой, подает чистый кусок муслина.

– Проклятый Блаунт, – злобно цедит Эссекс.

– Кто кого вызвал? – Праздный вопрос: наверняка причиной ссоры стал вспыльчивый характер брата. Пенелопа аккуратно промокает рану; из нее по-прежнему струится на удивление яркая кровь, однако бояться нечего – жизни Эссекса ничто не угрожает. Придись удар на дюйм ближе к паху, где вены выходят на поверхность, все сложилось бы совсем иначе.

---

² *Николас Хиллиард* (ок. 1547–1619) – английский художник-миниатюрист, прославившийся портретными миниатюрами придворных Елизаветы I и Якова I.

– Это Блаунт во всем виноват. – Пенелопа видела Чарльза Блаунта при дворе всего пару раз. Он показался ей благоразумным и сдержанным человеком. А еще он хорош собой – достаточно, чтобы составить конкуренцию Эссексу перед королевскими фрейлинами и, что гораздо важнее, перед самой королевой. Ходили слухи, будто бы Блаунт удостоился монаршей милости. Пенелопа знает, каков ее брат: желает быть единственной звездой на небосклоне. – Он первый начал!

– Тебе двадцать три, а не тринадцать, Робин, – мягко говорит она. – Из-за своего буйного нрава ты можешь попасть в беду. – Между братом и сестрой меньше трех лет разницы, но Пенелопа чувствует себя намного старше. Эссекс явно возмущен и расстроен из-за поражения в необдуманном поединке, ведь он считает себя лучшим бойцом в королевстве. Пенелопу так и подмигивает напомнить, что ему еще крупно повезло, но она сдерживается. – Ее величество будет недовольна.

– А кто ей скажет?

Нет нужды отвечать. Им обоим известно: во всей Европе спокойно чихнуть нельзя – не успеешь достать носовой платок, как Роберт Сесил уже доложил королеве.

– Тебе нужно пару дней отдохнуть. – Пенелопа окунает ткань в таз; вода тут же розовеет. – И на недельку воздержаться от любовных походов.

Брат с сестрой переглядываются. Эссекс принимается набивать трубку.

Приходит доктор Лопес и после краткого обмена любезностями принимается за работу: присыпает рану белым порошком, чтобы затворить кровь, предлагает Эссексу закусить деревянную палку. Тот отказывается, просит Меррика разжечь трубку. По его словам, лучшее средство отвлечься от боли – пение сестры, поэтому Пенелопа принимается напевать. Лопес заправляет в иглу нить кетгута. Эссекс выпускает через ноздри клубы дыма; с виду он совершенно спокоен, пока игла снует туда-сюда, стягивая края раны.

– Вы способны посрамить королевских вышивальщиц. – Пенелопа с восхищением разглядывает аккуратные стежки.

– Я обучился этому мастерству на поле боя. – Доктор по-отечески приобнимает ее за талию. У него простое честное лицо, короткая стрижка и седеющая борода, а когда он улыбается, вокруг глаз появляются морщинки. – Удостоверьтесь, чтобы ваш брат находился в покое и не нагружал ногу.

– Постараюсь. Вы же знаете, какой он. – Пенелопа медлит. – А...

– Рана дальше не распространится, миледи, – словно прочитав ее мысли, отвечает Лопес.

– Спасибо вам, доктор. – Ей не в первый раз приходится его благодарить. Если бы не он, она могла бы потерять своего первенца.

Потом они собираются у камина послушать новые стихи Констебля.

Краснеют даже розы перед ней,
Губ алых совершенством сражены.

Пенелопа представляет, как он скачет по Великой северной дороге, храня за пазухой письмо. Ее пробирает дрожь – отчасти от страха, отчасти от волнения.

И лилии становятся бледны,
Ведь кожа белых рук ее – нежней.

– Какая корявая фраза, Констебль, – говорит Эссекс. Раненая нога покоится на табурете. – Не разобрать, что к чему.

– Не придирайся, – возражает Пенелопа. – Это же для рифмы. Чудесные стихи, – она подмигивает поэту.

– Очаровательно, – поддакивает Жанна, отрываясь от рукоделия. У нее маленькие, почти детские руки и изящная фигурка. Женщины вышивают цветки мальвы на подоле платья: они двигаются с краев, намереваясь встретиться в середине, однако Пенелопа думает о своем, и ее игла праздно свисает на нитке. Констебль, смущенный замечанием Эссекса, молча стоит посреди комнаты, не решаясь продолжать. Странно, что он столь чувствителен, ведь ему довелось долгое время служить посланником у Уолсингема³, а шпиону требуется стойкость.

– Мы с радостью послушаем дальше, – подбадривает его Пенелопа.

Вошедший Меррик вручает Эссексу письмо с королевской печатью. Констебль откашливается, бросает взгляд на графа, но тот сосредоточенно читает послание.

К ней, словно к солнцу, тянут лепестки
Оранжевые бархатцы в саду.

Щеки Эссекса заливаются краской. Он комкает бумагу, с проклятием бросает в огонь.

– Я отлучен от двора. Она считает, пора научить меня хорошим манерам! Что за вздор!

– Несколько недель вдали от двора пойдут вам только на пользу, – говорит Меррик. – Не стоит выставлять рану напоказ, люди будут насмехаться.

«Как ловко он обращается с моим братом, – думает Пенелопа. – Впрочем, ничего удивительного – они же вместе росли».

И лишь фиалки в пурпурном цвету —
Как раненого сердца лоскутки⁴.

В комнату заглядывает паж, машет Меррику. Тот выслушивает мальчика, возвращается к графу и шепотом передает послание.

– Блаунт! – восклицает Эссекс. – Какого дьявола он здесь делает?

Пенелопа жестом останавливает Констебля.

– Вероятно, пришел засвидетельствовать почтение и справиться о твоём здоровье. Думаю, он хочет проявить уважение.

– Уважение? Нет у него никакого уважения.

Меррик кладет тяжелую ладонь Эссексу на плечо:

– Предоставьте Блаунта мне. – На его шее напрягаются тугие мышцы, в глазах под бесцветными ресницами вспыхивает ярость.

– Тебе следует поговорить с ним, Робин, – говорит Пенелопа. Эссекс сбрасывает с плеча руку Меррика, пытается подняться с кресла. – Что ты делаешь? Нельзя тревожить ногу.

– Раз уж мне придется принять этого подлеца, я встречу его как мужчина, а не соломенный тюфяк! – Хромая, он подходит к парадному портрету графа Лестера, словно намереваясь занять сил у прославленного отчима, и принимает торжественную позу. Его пылающий взор внушает тревогу: обычно подобный взгляд предвещает приступ черной меланхолии. В этом весь Эссекс: либо безудержное пламя, либо свинцовая угрюмость, третьего не дано. – Впусти же негодяя.

Меррик удаляется, чтобы привести Блаунта. Пенелопа замечает, что он так и не смыл с руки кровавое пятно.

---

³ Сэр Фрэнсис Уолсингем (ок. 1532–1590) – министр Елизаветы I, член Тайного совета, начальник разведки и контрразведки Англии.

⁴ Перевод Е. Савиной.

Едва войдя в комнату, Блаунт опускается на одно колено и снимает шляпу.

– Прошу прощения, что нарушаю ваш покой, милорд. Я хотел выразить свое почтение и вернуть ваш меч.

– Мой меч?

– Он остался на месте поединка.

– И где же он?

– У моего человека, снаружи. Я решил, что не подобает являться к вам при оружии.

– Боялся нарваться на новую ссору? – усмехается Эссекс, но неохотно прибавляет: – Ты правильно поступил, Блаунт.

– Что касается дуэли, милорд, – продолжает тот. – Мой клинок задел вас по чистой случайности. В течение всего боя вы одерживали победу. Эту рану должен был получить я.

Спохватившись, Пенелопа отводит взгляд и вновь берется за иглу.

– Встань, – произносит Эссекс, – не пристало тебе стоять передо мной на коленях.

Пенелопа замечает улыбку, таящуюся в углах его губ. Ее брат обожает изображать скромность.

– Налейте нашему гостю выпить и мне тоже.

Меррик подает им чаши с вином.

– Мир? – произносит Блаунт.

– Мир.

Оба пьют. Эссекс – чуть менее охотно, чем Блаунт, однако того требуют правила вежливости: отказ от предложенного примирения повлечет очередную дуэль.

Пенелопа вновь невольно останавливает взор на Блаунте; у него вьющиеся темные волосы, тонкие черты лица, глубокие черные глаза. А он красивее, чем она ожидала. На нем приталенный атласный дублет изящного кроя, вместо жесткого круглого воротника – кружевной. Блаунт явно подбирал наряд с таким расчетом, чтобы не затмевать Эссекса. Значит, еще и дипломат. Серьга в левом ухе придает ему привлекательно залихватский вид. Пенелопе приходит на ум, что этот человек может стать ее брату хорошим союзником. Нужно будет поговорить с Эссексом, убедить его, что врагов надо искать не среди таких, как Блаунт, а среди таких, как Сесил и Рэли, обладающих мощной поддержкой и влиянием на королеву, мечтающих узреть его падение. Кроме того, ей будет приятно почаще видеть Блаунта. Он пристально смотрит на нее, словно угадав ее мысли. Пенелопа невольно краснеет.

– Ты знаком с моей сестрой? – спрашивает Эссекс.

– Для меня большая честь познакомиться с вдохновительницей поэтов. – Блаунт снова преклоняет колено и протягивает руку.

Слишком уж он очарователен, думает Пенелопа. Понятно, почему королева его приблизила. Однако, встретившись с ним взглядом, она видит в его глазах неподдельную искренность.

– Сонеты Сидни неподражаемы, миледи. Не устаю ими восторгаться.

– И что же навело вас на мысль, будто стихи сэра Филипа посвящены мне? – Пенелопа знает, что ее считают музой великого поэта, однако дело не в ней, а в Сидни. Кроме того, кто такая муза? Просто символ, химера.

– Всем известно, что ты и есть Стелла, – смеется ее брат.

– «Когда Природа очи создала / Прекрасной Стеллы в блеске вдохновенья, / Зачем она им черный цвет дала?»⁵ – немедленно цитирует Блаунт. – Узнаю вас по этим строкам, миледи.

– Вот настоящая поэзия! – восклицает Эссекс, заставляя бедного Констебля поежиться.

– Никто не в силах превзойти сэра Филипа, – бормочет смущенный поэт.

– Довольно стихов, – объявляет граф. – Меррик, принеси мой меч. Кстати, этот клинок подарил мне Сидни.

---

⁵ *Филип Сидни*. Астрофил и Стелла. Сонет 7. Перевод И. Озеровой.

– Вряд ли он думал, что ты обнажишь его на дуэли. – Пенелопа старается выглядеть беззаботной, однако разговор о Филипе Сидни будит болезненные воспоминания о девочке, которой она была восемь лет назад, когда впервые появилась при дворе. Тогда ей казалось, здесь полно романтики, развлечений и любовных интриг. Теперь же она повзрослела, стала сдержанной, скрытной, расчетливой и ничем не напоминает ту прежнюю девочку. Они так же непохожи, как икринка и устрица.

Ноябрь 1589, дворец Теобальд, Хартфордшир

Человек стаскивает шляпу, низко кланяется. Бегающий взгляд делает его похожим на грызуна. Он явно проделал долгий путь: одежда снизу забрызгана грязью, сверху потемнела от влаги.

На рабочем столе Сесила царит идеальный порядок: чернильницы расставлены ровно в дюйме друг от друга, конторские книги сложены в стопки – большие внизу, маленькие наверху, писчие перья в сосуде развернуты в одну сторону. Сесил сидит спиной к окну, и лицо остается в тени; так сделано специально, чтобы посетители чувствовали себя неудобно. Он понимает, его внешность не очень представительна для занимаемой должности, но за долгие годы выучился разным уловкам, призванным сглаживать этот недостаток.

– Закрой дверь.

Человек повинуется.

– Надеюсь, тебя никто не заметил. – Сесил жестом предлагает ему сесть. Небо очистилось; луч яркого полуденного солнца падает на лицо гостя, тот прикрывает глаза рукой.

– Нет, сэр, я тщательно следил, чтобы не было слежки. В Уэре сменил лошадей, выехал на Лондонскую дорогу, потом повернул обратно...

– Избавь меня от подробностей, – перебивает Сесил. Мужчина судорожно стаскивает шляпу. – Надеюсь, Уолсингем не станет известно о нашей встрече.

– Но мне казалось, Уолсингем с нами...

– Слушай внимательно: нет никаких «с нами», «против нас». Нет никаких «мы». Я просто хочу доподлинно знать, что происходит. Мы с отцом служим королеве, и это требует... – Сесил поправляет перстень с крупным изумрудом, – чрезвычайной осмотрительности.

– Разумеется, сэр.

– Итак, в своем письме ты упомянул о некоторых событиях при шотландском дворе. Был ли брак короля с датской принцессой должным образом подтвержден? Не возникло ли трудностей с... – Сесил откашливается, – ...консумацией? – Ни для кого не секрет, что Яков Шотландский предпочитает общество юношей. Порой Сесилу думается, что из-за этого обстоятельства не стоит уделять большого внимания претензиям Якова на английский трон. Есть и другие кандидаты на престол; возможно, они окажутся более стоворчивыми.

Перехватив взгляд посланника, Сесил скрещивает руки на груди, пряча узкие кисти с короткими пальцами и уродливыми плоскими ногтями. В юности он мечтал иметь руки, способные держать меч, – такие, как у графа Эссекса.

– Нет, никаких, сэр. Похоже, все прошло как полагается. Принцесса, то есть королева, вроде бы довольна мужем. Я своими глазами видел окровавленную простыню.

– Значит, ты ездил в Осло на церемонию бракосочетания? – Надо же, проныра, напрочь лишенный обаяния, ухитрился затесаться на королевскую свадьбу.

– Да, я присоединился к...

– Знаю, – перебивает Сесил. Ему ничего об этом не известно, однако соглядатая следует держать в напряжении: пусть думает, будто за ним следят.

– Есть еще кое-что. – Мужчина наклоняется ближе, понижает голос.

– И что же?

– Речь о сестре Эссекса.

Сесил не в силах скрыть удивления. Он не любит, когда ему сообщают сведения, о которых он еще не успел разнюхать.

– У нее-то какие дела с Яковом Шотландским?

– Она вступила с ним в переговоры. Направила письма с предложением дружбы.

– Дружбы?

– Похоже, тут не все так просто. Она пользовалась кодовыми именами.

Любопытство Сесила усилилось:

– Продолжай.

– Стиль у нее весьма витиеватый, однако у меня сложилось впечатление – видите ли, мне удалось самому заглянуть в эти письма, – что общий смысл ее предложения таков: если дойдет до дела (так она пишет), Яков может рассчитывать на ее поддержку, а следовательно, и на поддержку ее брата.

– Какие-то глупые игры. – Сесил старается сохранять невозмутимый вид, однако от возбуждения по коже пробегают мурашки. Он весь подбирается, словно гончая, почуявшая оленя. – Надо полагать, леди Рич выражалась достаточно туманно?

– Если вы имеете в виду, упоминала ли она о возможной кончине королевы, то нет.

Раз в письмах указаны кодовые имена, значит, все-таки есть какая-то тайна, думает Сесил.

– Кто был ее посланником?

– Поэт Генри Констебль, сэр.

– А, Констебль. Когда-то он работал на меня. Поэты слетаются к этой даме, как мухи к компостной куче. Сие для меня загадка. Вероятно, Констебль пошел на риск ради любви. – Сесил не скрывает отвращения; любовь ему чужда. Впрочем, он не вполне искренен: помимо выдающейся красоты, есть в леди Рич нечто такое, что не оставляет его равнодушным. Он долгие годы наблюдал за ней; они ровесники и прибыли ко двору одновременно. Эта женщина обладает даром оказываться в нужное время в нужном месте, а также холодным расчетливым умом, скорее подобающим мужчине. Не будь у нее брата, Эссекса, она была бы само совершенство.

От одного воспоминания об Эссексе в душе Сесила вскипает гнев. После смерти отца мальчик воспитывался у них в доме. Сесил хорошо помнит приезд юного Деверо: он залихватски спрыгнул с коня, не удостоив Сесила даже взглядом – тот был на два года старше, зато вдвое его ниже, к тому же кривобокий и хромой.

Отец предупредил, чтобы он не портил отношения с кукушонком, подброшенным в их гнездо. В жилах Эссекса течет королевская кровь: он не только обладает родословной, ведущей прямо к Эдуарду Третьему Плантагенету, но еще и в родстве с Тюдорами, – по слухам, прабабушка Эссекса, шлюха Мэри Болейн, родила Генриху Восьмому дочь, леди Ноллис, бабушку Эссекса. Отец Сесила узнал об этом от своего отца, королевского камергера, пользовавшегося доверием короля.

– Когда в человеке сочетается кровь двух династий, такая гремучая смесь может быть опасна, – напутствовал его отец. – Держись рядом с ним, не своди с него глаз.

И Сесил не сводил с Эссекса глаз. Он безмолвно наблюдал, как тот, словно плющ, увилялся вокруг королевы, та приблизила его к себе и осыпала милостями, какими не жаловала никого после смерти Лестера. Сплетники судачат, будто бы Эссекс стал ее любовником, но Сесил знает – он не возлюбленный, а сын, которого у Елизаветы никогда не было; мать простит сына в тех случаях, когда любовнику не будет пощады.

Однако мысли Сесила занимает не Эссекс, а его сестра. Ему вспоминается, как он впервые увидел Пенелопу Деверо и был ошеломлен ее красотой. Много месяцев он не мог думать ни о ком другом, по ночам же неумело удовлетворял себя, представляя ее образ. В тот день она улыбнулась ему, хотя все прочие девушки смотрели на него с плохо скрываемым отвращением. Сесил ясно помнит, словно это было вчера, как смутился и покраснел, увидев улыбку Пенелопы, способную осветить самые темные уголки преисподней. Однако спустя годы он начал восхищаться не только великодушной улыбкой; оказалось, что за прославленной красотой скрывается чрезвычайная пронизательность – опасное качество для женщины.

Часть первая Икринка

*Когда Природа очи создала
Прекрасной Стеллы в блеске вдохновенья,
Зачем она им черный цвет дала?
Быть может, свет подчеркивая тенью?..
Чтоб свет очей не ослепил чела,
Единственное мудрое решенье
Природа в черной трезвости нашла, —
Контрастами оттачивая зренья.
И чудо совершила простота,
И Красота отвергла суетловье,
И звездами сияла чернота,
Рожденная Искусством и Любовью,
Прикрыв от смерти траурной фатой
Всех тех, кто отдал кровь Любви святой.*

Сэр Филип Сидни, «Астрофил и Стелла». Сонет 7⁶

---

⁶ Перевод И. Озеровой.

Январь 1581, Уайтхолл

В первые примерив платье, в котором ей предстояло предстать перед королевой, Пенелопа сочла его невыразимо прелестным, однако в длинном коридоре Уайтхолла оно показалось ей совсем неподходящим – слишком простым, слишком пуританским.

– Преклони колени и не поднимайся, пока она не разрешит, – наставляла ее графиня, – не тарачись, не открывай рот, пока тебя не спросят.

Пенелопа замедлила шаг, чтобы послушать хоровое пение, доносящееся из часовни. Вчера, едва прибыв во дворец, они зашли туда, и музыка тут же захватила ее без остатка. Ей никогда не доводилось слышать ничего подобного. Сорок голосов – она специально сосчитала, – каждый со своей партией, сливались воедино: воистину райские звуки, ибо ничто на земле не способно так волновать сердце, наполняя его радостью. Граф и графиня Хантингдон не одобряли церковного пения: по их мнению, это отвлекает от размышлений и общения с Господом.

– Пенелопа, не отставай, – графиня крепко схватила девушку за руку.

Они шли мимо многочисленных портретов – слишком быстро, чтобы Пенелопа могла различить на них своих родственников. Ее опекунша резко окрикивала тех, кто двигался медленнее, чтобы им дали дорогу. Наряды придворных дам поразили Пенелопу до глубины души: корсажи с подчеркнута узкой талией украшены богатой вышивкой с изображением цветов и птиц, а юбки такой ширины, что в коридоре не разойтись. Некоторые красавицы носили прозрачные воротники особой конструкции, напоминающие крылья стрекозы. Пенелопе хотелось рассмотреть поближе, понять, что их держит – проволока или волшебство. Леди Хантингдон предпочитала одеваться скромно, и темно-зеленое бархатное платье Пенелопы являлось тому свидетельством. Пусть и хорошо скроенное, оно не шло ни в какое сравнение с роскошью придворных туалетов, даже алые атласные рукава, всего несколько часов назад казавшиеся чудесными, не могли его оживить. «Господь не поощряет излишнюю роскошь», – утверждала графиня.

Пенелопа немедленно возжелала расшитую цветами юбку, стрекозиные крылья и веер, украшенный перьями и драгоценными камнями.

– Ни с кем не заговаривай, пока к тебе не обратятся. Там будут твои дяди и отчим, – леди Хантингдон произнесла последнее слово с плохо скрываемой неприязнью; Пенелопа давно заметила, что ее опекунша редко называет Лестера братом, но не могла понять почему, – твоя бабушка Ноллис и многочисленные кузены, однако ты не должна смотреть на них. Веди себя так, будто в зале присутствует одна только королева. – Графиня остановилась, оглядела Пенелопу с ног до головы, сняла с ее плеча невидимую ниточку, поправила головной убор. – И ни в коем случае не упоминай о своей матери.

Пенелопа скучала по маме. Та ни за что не нарядила бы ее в такое платье и обязательно задержалась послушать музыку. Знаменитая красавица Летиция Ноллис, графиня Лестер, украсила бы волосы любимой дочери драгоценными камнями и жемчугом, однако ее имя нельзя даже упоминать при дворе, будто той не существует.

В душе Пенелопы поднялся гнев. В ушах звучали слова Летиции, сказанные будто вчера, а не пять лет назад, когда им пришла весть о смерти отца: «Эта женщина его убила». Тогда она удивилась, ведь отец находился в Ирландии во главе английской армии и умер от кровавого поноса. Со временем, собрав кусочки мозаики воедино, Пенелопа пришла к заключению, что под «этой женщиной» мать подразумевала королеву.

Пенелопа гордилась своей выдержкой, однако при виде огромной двери, ведущей в королевские покои, ее храбрость растворилась, словно жемчужина в уксусе.

– Послушай меня, девочка. Может, ты и крестница королевы, но она не потерпит рядом с собой легкомысленную вертихвостку. Веди себя достойно. Не приближайся, пока она не прикажет. Обращайся к ней «ваше величество», даже если остальные так не делают, – это проявление уважения. Если она спросит, как ты проводишь досуг, скажи, что любишь читать псалмы. И ни слова о картах! – Вероятно, леди Хантингдон вспомнила о карточной колоде, которую изъяла у Пенелопы и ее младшей сестры Доротей и швырнула в огонь. Пенелопе хотелось, чтобы Доротей поехала с ней, однако графиня решила, что той следует остаться дома. – Я уже говорила не упоминать о твоей матери?

– Да, миледи. – Пенелопа вновь почувствовала, как в ней вскипает гнев, и, чтобы успокоиться, вспомнила о последней воле отца: перед смертью тот обручил ее с Филипом Сидни – юноша, вероятно, находится за этой дверью. Она видела его всего один раз, шесть лет назад. Тогда он едва взглянул на нее: с чего бы самоуверенному взрослому юноше, племяннику графа Лестера, обращать внимание на девочку, которой еще нет и тринадцати, пусть даже родственницу самой королевы? Пенелопе запомнились тонкие черты лица, прямой нос, широкий лоб и еле заметная россыпь оспин, странным образом делавших его еще привлекательнее, будто он пережил нечто значительное, о чем она и помыслить не могла.

Еще одно предсмертное желание Уолтера Деверо – поручить дочерей заботам его родственника, графа Хантингдона, – вероятно, было продиктовано королевой и потому не могло быть нарушено. Когда Пенелопа попросила объяснений, Летиция лишь воздела руки и покачала головой:

– Такова воля твоего отца, я не в силах ничего изменить. Кроме того, для вас с сестрой это хорошая возможность; Хантингдоны имеют большое влияние на королеву. – Ее голос дрогнул.

Пенелопе пришлось смириться с тем, что ей многого пока не понять. Она оглядела свой безыскусный наряд и внезапно растерялась.

– Твоя рассеянность тебя погубит. – Графиня больно ущипнула ее за руку.

Огромные двери отворились. Леди Хантингдон и Пенелопа вошли и остановились у входа. В центре зала сидела королева, с ног до головы одетая в золотую парчу. Рядом с ней стоял Лестер, по-хозяйски положив руку на спинку трона. Пенелопа опустила взгляд, но все же тайком посматривала на королевских фрейлин в кипенно-белых нарядах, напоминающих стайку ангелов. Она немедленно возненавидела свое зеленое платье и, воображая, с каким наслаждением искромсает его на куски, принялась разглядывать сучок на половице, тарасившийся на нее, словно глаз.

Наконец королева произнесла:

– А, леди Хантингдон. Покажите мне вашу подопечную.

Графиня подтолкнула Пенелопу, и девушка несмело вышла вперед. Она решила, что будет безопаснее смотреть королеве не в лицо, а на руки. Они оказались на удивление красивыми; по ним и не скажешь, что Елизавете почти пятьдесят – этот возраст представлялся Пенелопе невыразимо далеким. Наконец, остановившись в нескольких футах от расшитых золотом юбок, как учила графиня, она опустилась на колени, по-прежнему не сводя глаз с монарших рук. С такого расстояния ей удалось как следует рассмотреть перстни: огромный рубин (видимо, его предстоит поцеловать, если появится такая возможность), бриллиант квадратной огранки в эмалевой оправе, и, как ни странно, большой круглый жабий камень, совсем не подходящий к своим благородным собратьям. Кажется, жабий камень защищает от яда, смутно припомнила Пенелопа.

– Ближе, – послышался голос. Девушка неловко подползла на коленях. Длинные пальцы приподняли ее лицо за подбородок.

Грудь королевы была украшена жемчугом, лицо густо намазано свинцовыми белилами, маскирующими морщины вокруг глаз и рта. Елизавета улыбнулась, показав зубы цвета овечьей шерсти.

– Леди Пенелопа Деверо. – Она глянула на девушку из-под набрякших век и близоруко прищурилась. – Сколько тебе лет?

– Восемнадцать, ваше величество, – еле слышно ответила Пенелопа.

– Не так уж молода. – Королева словно подсчитывала что-то в уме. – Мы слышали, ты хорошо поешь. Это правда?

– Мне говорили, мой голос вполне сносен, ваше величество. – Пенелопа заметила, как все придворные подались вперед, дабы расслышать ее слова, будто она произносила нечто значимое.

– Если держаться уверенно, умение не столь важно. – Королева наклонилась. До Пенелопы донесся запах мускуса. Ей вспомнилось, как мать перед приходом гостей втирала мускус в шею и запястья. – С таким личиком ты посрамишь всех наших фрейлин, а если голос хотя бы вполовину хорош, произведешь настоящий фурор. – Елизавета сделала вид, будто говорит Пенелопе на ухо, однако любопытные фрейлины-ангелочки все прекрасно слышали. Она явно развлекалась.

Пенелопа невольно хихикнула; комплимент пришелся ей по душе. Благодаря королеве она оказалась в центре ситуации, которую пока не понимала. Несомненно, графиня не одобрила этот ее смех.

– Пожалуй, стоит взять тебя под крыло, Пенелопа Деверо. Вижу, у тебя есть чувство юмора. Только посмотри, какие постные лица меня окружают! – Девушка пригляделась: действительно, несмотря на роскошные наряды, фрейлины показались ей унылыми, как латинские глаголы. – Кроме того, ты наверняка нуждаешься в материнской заботе.

Елизавета невольно потянулась к руке Лестера, покоящейся на спинке трона. Их пальцы переплелись: простой и в то же время интимный жест показался Пенелопе собственническим – королева утверждала свое право над мужем ее матери. Гнев разгорелся в ней с новой силой.

– Полагаю, без надзора графини ты расцветешь. Она гордится тем, что растит покорных девушек, однако я чувствую в тебе силу духа. Не стоит тушить столь яркий свет. – Пенелопа услышала судорожный вздох леди Хантингдон; в течение последних нескольких лет та только тем и занималась, что пыталась искоренить в ней силу духа.

Вероятно, говоря о материнской заботе, ее величество имела в виду отсутствие у графини душевной теплоты. Или речь шла о Летиции, чье имя здесь под запретом?

– Сядь, – произнесла королева, похлопав по скамеечке рядом с собой. – Ты играешь в карты?

– Да, с удовольствием, – ответила Пенелопа и, не раздумывая, добавила: – Мне нравится рисковать, – на что Елизавета громко расхохоталась.

Родственники Пенелопы (за исключением графини) обменялись одобрительными взглядами. Кажется, ее поведение их удовлетворило.

– Тебе представится лишь одна возможность произвести впечатление, – сказала ей мать. – Будь собой, моя радость. Королева меня ненавидит, но я долгое время провела рядом с ней и знаю: она ценит в девушках вовсе не нудное благочестие, которое пытается вдолбить тебе графиня. Если тебя примут ко двору, это благотворно скажется на всех нас. Бог свидетель, мне нужны глаза и уши среди королевских фрейлин. – Летиция взяла Пенелопу за руку и поцеловала. – Ты станешь моими глазами и ушами. В нынешние времена у меня нет никакого влияния, я даже не могу принять участие в судьбе моих детей.

К ним подошел Лестер:

– Что за колдовское варево стряпаете, красавицы?

– Завтра моя дочь предстанет перед королевой. Полагаю, тебе и так известно. – В голосе Летиции слышалась горечь, однако Пенелопа слишком давно ее не видела, чтобы утверждать наверняка. – Я наставляю ее, как себя вести. Тебе понравится при дворе, милая, – продолжила она. – Настоящая жизнь – там. С твоим характером и красотой ты будешь блистать на этом

небосклоне. Но предостерегаю: не показывай слабость или страх – королева не выносит малодушия. Не так ли, дорогой?

– Воистину. – Лестер склонился, погладил выпуклый живот Летиции и томно поцеловал в губы. – Как там парень, пинается?

– Еще как, – с улыбкой ответила та. – Неугомонный, весь в отца.

Лестер взял жену за руку, переплел ее пальцы со своими.

Узнав о тайном бракосочетании своего фаворита с Летицией, ее величество пришла в неопишемую ярость; слуги леди Хантингдон несколько месяцев только об этом и судачили. Однако, глядя, как Лестер точно таким же жестом берет Елизавету за руку, Пенелопа поняла – ситуация еще сложнее. Вероятно, под выражением «глаза и уши» подразумевалось, что ей придется докладывать матери об отношениях между отчимом и королевой.

Елизавета приказала принести карты и продолжила весело болтать, указывая на придворных: «Это мой камергер, он обеспечит тебя всем необходимым, а вон та брюзга – старшая фрейлина». Тасуя колоду, Пенелопа оглядывала зал в надежде увидеть Сидни, однако среди множества разодетых кавалеров невозможно было различить ее нареченного.

Королева поднесла руку к пышной медной шевелюре, отстегнула большую жемчужину, обрамленную драгоценными камнями, и положила на стол.

– Какова твоя ставка, Пенелопа Деверо?

У девушки сдавило в груди; ей нечего было предложить, кроме материнского кружевного платка, заткнутого за рукав, однако эта ставка слишком мала против столь роскошного украшения. Королева наверняка осведомлена о том, что казна ее семьи пуста. Пенелопа медленно вытасила платок и опустила на стол рядом с жемчужиной.

– Красивые кружева. – Елизавета внимательно осмотрела его сквозь увеличительное стекло. – Полагаю, тебе известно, что у каждой вышивальщицы свой почерк.

Пенелопа раньше об этом не слышала, однако поняла – королева узнала руку ее опальной матери.

– Да, ваше величество, – сдавленно проговорила она.

Елизавета приподняла насурьмлённую бровь:

– Что ж, достойная ставка. Играем до двух побед.

Девушка тайком выдохнула.

Королева сбросила карту, взяла другую. Пенелопа поступила так же. Они по очереди меняли карты, наконец Елизавета постучала по столу, объявила: *Vada!*⁷ – и продемонстрировала руку – одни пятерки. Взгляды присутствующих устремились на Пенелопу – всем было интересно посмотреть, как новенькая пройдет испытание. По слухам, ее величество не любила проигрывать. К счастью, Пенелопа играла гораздо слабее королевы, ибо ей было бы трудно усмирить дух соперничества и проиграть из вежливости, поэтому второе поражение оказалось вполне заслуженным.

– Тебе нужно отточить навыки, моя девочка, – со смехом произнесла королева, забирая выигрыш.

– Боюсь, навыки вашего величества всегда будут остры настолько, чтобы меня поранить. Эти слова вызвали у Елизаветы новый приступ веселья.

– Не мешает немного тебя украсить. – Она прикрепила жемчужину к волосам Пенелопы. – Я пришлю своего портного в покои графини. Тебе нужен подходящий наряд.

– Не знаю, как вас благодарить, ваше величество. – Пенелопа тут же представила, как будет выбирать ткани и порхать на стрекозиных крыльях.

---

⁷ Термин из карточной игры «примеро», популярной при дворе Елизаветы I, напоминающей покер. Приблизительное значение: «Ход!» Если игрок объявляет *Vada!* все игроки открывают свои карты. Победителем становится набравший наилучшую комбинацию карт.

К ним приблизился пожилой человек с длинным лицом и серебристой бородой.

– Берли, – проговорила королева. – Вы знакомы с леди Пенелопой Деверо?

Значит, это и есть Берли, лорд-казначей и самый могущественный человек в стране после Лестера, к тому же опекун Эссекса.

– Еще не имел удовольствия, – ответил тот и взял Пенелопу за руку. – Однако я хорошо знаю вашего брата. Сейчас он прекрасно проводит время в Кембридже. Полагаю, вы с ним близки?

– Да, милорд. Мечтаю снова его встретить. – Пенелопа уже много месяцев не видела своего любимого Робина.

– Мы пригласим его ко двору на турнир, – сказала Елизавета. – А где твой сын, Берли?

– Он здесь, мадам.

Юноша, ровесник Пенелопы, вышел вперед. С виду далеко не красавец – невысокого роста, одно плечо заметно выше другого, бочкообразное тело держится на ногах столь тонких, что, казалось, вот-вот подломятся. Необычная птичья фигура напомнила Пенелопе изображение дьявола, которое она однажды видела в запрещенной книге. Ее кольнул старый страх, когда-то вызванный этим рисунком.

Если лицо отца было продолговатым, то у сына – до безобразия длинным. Над большим выпуклым лбом топорщились жесткие волосы, напоминающие каминную щетку. Оба с ног до головы облачены в черное, у каждого – белоснежный крахмальный воротник; однако, несмотря на кажущуюся простоту, от Пенелопы не ускользнула роскошь их нарядов.

Странный юноша заворуженно уставился на Пенелопу. Испытав сочувствие к человеку, которого Господь наградил столь уродливым телом, девушка приветливо улыбнулась. Он не улыбнулся в ответ, лишь покраснел, не в силах отвести глаз. Берли похлопал сына по плечу, выведя из ступора. Тот рухнул на колени перед королевой и устремил взгляд на ее туфли.

– Осваиваешься в Уайтхолле, Сесил? – спросила Елизавета. – Отец уже показывает тебе, что к чему? – И добавила, повернувшись к Пенелопе: – Сесил прибыл ко двору всего несколько дней назад, не так ли, мальчик?

Он что-то пробормотал в ответ, но Пенелопа уже не слушала. С замиранием сердца она заметила за его спиной знакомое лицо.

Февраль 1581, Гринвичский дворец

– Пенелопа, собирай вещи. Ты займешь место Анны Вавасур в покоях фрейлин. – Леди Хантингдон произнесла это имя сквозь зубы, словно даже упоминать его грех.

– Я стану фрейлиной? – У Пенелопы перехватило дыхание от мысли, что ей представится возможность вырваться из-под гнета опекунши, надеть красивое платье с вышитыми цветами, оказаться в центре событий, а не таиться по углам, как в последние три месяца при дворе.

– Да. – Губы графини сжались в жесткую линию. – Но не слишком зазнавайся. И веди себя прилично. Покои фрейлин нынче не те, что в мои времена: теперь здесь логово разврата. Взять хотя бы эту несчастную. – Она покачала головой: – Вот что происходит, когда юные девицы предоставлены сами себе.

Крики Анны Вавасур, эхом разлетавшиеся по дворцовым коридорам, были слышны даже в покоях леди Хантингдон. Графиня громко храпела, раскрыв рот. Пенелопа выскользнула из постели, вышла из комнаты и двинулась на звук. Воображение рисовало жуткие картины: окровавленную дубину, раздробленные кости. Однако, прокравшись в покои фрейлин, девушка была ошеломлена и озадачена: Анна, едва заметная в центре круга женщин, кажется, билась в каком-то припадке. Кто-то сунул ей в рот комок шерсти, чтобы заглушить вопли, однако она выдернула кляп и отшвырнула прочь. Он упал прямо к ногам Пенелопы.

– Головка прорезывается, – проговорила одна из дам. Странно, почему все так спокойны, ведь жизнь Анны явно в опасности. – Тужься!

Внезапно стало тихо, брызнула кровь. Пенелопа застыла в дверях, окаменев от ужаса.

– Мальчик, – произнес кто-то. Раздался детский крик, и до нее наконец дошло, что происходит. Впоследствии она узнала, что сын Анны Вавасур, явившийся на свет в комнате фрейлин, был рожден от женатого мужчины, графа Оксфорда.

– Проклятая девчонка со своим младенцем теперь в Тауэре. Там ей и место, как и отцу ребенка. – На лице графини отразилось возмущение.

– В Тауэре? – Само название этого места внушало страх. Многие, кто туда попадает, не возвращаются.

– Ее бесчестье да будет тебе уроком. Она согрешила в глазах Господа и будет проклята в загробной жизни, а в этой испытает на себе гнев королевы. – Неизвестно, что хуже, подумала Пенелопа. Она уже успела убедиться: Елизавета действительно страшна в гневе. – Эта девушка не первая. Все мы знаем, что случилось с Катериной Грей. Когда выяснилось, что она беременна, ее заключили в Тауэр, и больше никто ее не видел. Говорят, она уморила себя голодом от стыда... – Кажется, графиня решила поведать об ужасной судьбе всех девиц, сбившихся с пути добродетели. – Помню, королева сломала палец Мэри Шелтон щеткой для волос, узнав о том, что та вышла замуж без ее дозволения. Что же до твоей матери...

Пенелопу так и подмывало расспросить опекуншу о Летиции и других женщинах, чьи имена не полагалось произносить в присутствии Елизаветы. До какой же глубины отчаяния дошла Катерина Грей, чтобы решиться на голодную смерть...

– Моя мать...

– Была дурой, – перебила графиня. – Нет более идиотского поступка, чем выйти замуж за королевского фаворита. Она потеряла все. Ближайшая подруга королевы лишилась всего... Жить в вечном страхе... не иметь влияния...

Пенелопе захотелось заткнуть ей рот комком шерсти, таким же, какой выплюнула Анна Вавасур.

– ...поэтому соблюдай приличия, юная леди. Тебе придется доказать королеве, что ты не чета собственной матери. Помни: если вызовешь гнев ее величества, погубишь себя и всю свою семью.

По пути в покои фрейлин графиня не переставала вещать. Пенелопа изо всех сил старалась держать язык за зубами. Она радовалась, что ей наконец предстоит освободиться от сурового надзора, однако опекуна права: малейший промах может привести к краху. Леди Хантингдон считала, что Пенелопе нужно укрощать своевольный нрав. Задача не из простых, ведь королеве, кажется, ее нрав пришелся по душе. Правда, игра в карты – не тайный брак и не, упаси господь, бастард в животе.

Прежде чем войти, графиня остановила Пенелопу:

– Запомни: любовные интриги – одно, а политические – совсем другое. Тебя попытаются использовать, чтобы получить доступ к ее величеству. Постарайся не нажить врагов, но не забывай: если ты приближена к королеве, друзей здесь нет. Доверять можно только семье.

Итак, с упавшим сердцем девушка вошла в покои фрейлин. На нее тут же устремились любопытные взгляды, и она пожалела, что рядом нет Доротеи. Пенелопа скучала по сестре; между ними меньше года разницы, их часто принимают за близнецов. Они почти не расставались, пока ей не настало время явиться ко двору.

Пенелопа заметила свою дальнюю кузину Пег Кэри, которую едва знала; та окинула ее холодным взглядом светлых глаз, словно оценивала кобылу на аукционе.

– Меня зовут Марта Говард, – обратилась к ней невысокая миловидная девушка. – Я освобожу место для твоих вещей. Хочешь сегодня спать на топчане? Под балдахинем очень жарко. – Она указала на большую кровать, занимавшую большую часть комнаты.

– Да, ложись на топчан, – проговорила Молл Гастингс, молодая женщина, с которой Пенелопа уже была знакома, поскольку та приходилась графине родственницей. – Там удобно.

Слуга принес сундук, леди Хантингдон удалилась. Чтобы не стоять без дела, Пенелопа откинула крышку, вытащила несколько вещей и положила на подушку старенького тряпичного кролика.

– Ты не слишком взрослая, чтобы играть в игрушки? – язвительно осведомилась Пег.

– Не все здесь сделаны из камня, как ты, – со смехом ответила Молл. – Пенелопа, помочь тебе расстегнуть платье?

Облачившись в ночные рубашки и дождавшись, когда служанки уйдут, фрейлины улеглись на большую кровать, задернули занавески балдахина и пустили по кругу фляжку напитка, который Молл именвала животворной влагой и добывала так или иначе. Пенелопа в жизни не пила ничего подобного, но не решилась в этом признаться. Стоило сделать глоток, как горло загорелось огнем. Она закашлялась. Девушки рассмеялись, однако Пенелопа не расстроилась: голова у нее закружилась, заботы показались далекими и несущественными.

– Я так рада, что вырвалась от графини.

– Надо думать, – подмигнула ей Марта. – Вот ведь старая карга. У нас здесь все по-другому.

– Главное – не сердить королеву, – посоветовала Молл.

– Ей это не грозит. Королева ее обожает, – ехидно усмехнулась Пег. Она говорила о Пенелопе, будто ее здесь не было.

– Пег! – укоризненно воскликнула Марта. – Пенелопа же не подлизывается. Кроме того, Лестер – ее отчим; неудивительно, что королева к ней благоволит.

Пенелопа сочла за лучшее промолчать. Наверняка все эти девушки осведомлены о положении ее опальной матери. Не исключено, что королева проявляет к ней расположение исключительно с целью отомстить Летиции. Что ж, сыграем в эту игру, подумала она, делая глоток из фляжки. В голове поднялся теплый туман.

– И как же выглядит герцог Анжуйский? – спросила она, стремясь переменить тему. Речь шла о женихе королевы, который вот-вот должен прибыть в Англию просить ее руки.

– Вдвое моложе ее величества и такой рябой, что никто в Европе не хочет брать его в мужа, – ответила Молл, несколько погрешив против истины. Все засмеялись. Пенелопа решила, что ей здесь нравится. В Молл чувствовался своевольный нрав, она старше остальных и знает тонкости придворной жизни, Марта от природы добродушна, а угрюмую Пег удастся победить; в конце концов, они родственницы. Представив, как, подобно бабочке, вылупляется из куколки и летит на сверкающих крыльях навстречу будущему, сулящему невиданные возможности, она затолкала наставления графини на задворки сознания и позволила себе попасться в сети слухов и интриг.

– Расскажите про Анну Вавасур и графа Оксфорда.

– Бедная Анна, с ней произошло худшее, что может случиться с фрейлиной. Она сейчас в Тауэре. – Марта произнесла слово «Тауэр» так же, как «чистилище».

– Вместе со своим ублюдком, – отрезала Пег. – Анна Вавасур повела себя безрассудно. Ни капельки ей не сочувствую. Как можно отдаться женатому мужчине?

– Подожди, пока с тобой такое не случилось, – засмеялась Молл.

– Я не настолько глупа.

– Не зарекайся. Когда любовь вонзает в тебя когти, остается лишь полагаться на ее милость. – Молл схватила Пег поперек туловища и принялась щекотать, пока та не засмеялась. – Только подумайте, – продолжила она, – ведь я могла стать женой Оксфорда. Он выбирал между мной и моей сестрой, однако ему предложили более выгодную партию.

– Выходит, тебе повезло, – отозвалась Марта. – Хотя Оксфорд происходит из древнего рода, а его имение приносит четыре тысячи в год.

– С каких пор ты считаешь деньги? – поинтересовалась Молл.

– Этот человек опасен, – с осуждением произнесла Пег. – Однажды он убил мальчика. И посмотрите, что стало с Анной.

Пенелопе вспомнились слова графини: «Она согрешила в глазах Господа и будет проклята в загробной жизни, а в этой испытает на себе гнев королевы».

– У тебя ведь есть брат, правда, Пенелопа? – спросила Марта.

– Двое, и сестра, Доротея. Младший брат, Уот, еще маленький. А второму, Роберту, нет и шестнадцати.

– Всего на год младше, чем я. Он скоро прибудет ко двору?

– Наверное, когда окончит учебу в Кембридже. – Пенелопа с тоской почувствовала, как далеки ее родные.

– Какой он? Похож на тебя? – При упоминании о юном графе Эссексе Марта оживилась.

– Лицом немного похож, но волосы темные. Сам высокий, и фигура хорошая. – Пенелопа давно не видела брата; может быть, теперь он весь в прыщах или растолстел.

– Эссекс – самый бедный граф во всей Англии, – встряла Пег.

– Если гонишься за богатыми, значит, он не для тебя. – Пенелопа выдержала холодный взгляд кузины, чувствуя необходимость поставить ее на место. – Смею предположить, он захочет видеть своей невестой девушку немного более...

– Какую?..

– Ну, не знаю. – Она пожала плечами.

– Томас Говард недавно овдовел, – перебила Молл. – Наверное, ищет новую жену.

– Отца Томаса казнили за измену, а его самого лишили титула, – парировала Пег. – Слишком рискованно.

– Титулы могут и вернуть, – возразила Марта.

– Тогда тебе нужен Сесил, – сказала Молл, обращаясь к Пег. – Он сын самого влиятельного человека в Англии, и ты ни в чем не будешь испытывать недостатка: они невообразимо богаты. – Она произнесла слово «невообразимо», четко проговаривая каждый слог.

– Это создание? Кривобокий коротышка, даже без рыцарского звания. – Пег насмешливо оттопырила нижнюю губу, утратив всякую привлекательность. – Говорят, в младенчестве его уронила кормилица, оттого он такой урод.

Глядя, как Пег жестами показывает искривленную фигуру Сесила, Пенелопа пожалела бедного мальчика. Ей вспомнилась их первая встреча; он покраснел, будто никогда в жизни не видел молодых женщин, и тем более ни одна из них ему не улыбалась.

– Чтобы выжить при дворе, ему потребуется острый ум, – произнесла она.

– Это точно, – поддержала Марта.

– Ума у него в избытке. Я слышала, отец готовит его к высоким должностям, – сказала Молл.

По очереди прикладываясь к фляжке, они продолжили сравнивать достоинства неженатых придворных. Разумеется, речь зашла о Сидни.

– Он такой галантный, – вздохнула Марта.

– И неприступный, – добавила Молл. – Не поймешь, о чем думает.

– Иногда он ведет себя ужасно грубо, но в нем что-то есть, – признала Пег.

– А еще он пишет стихи. Только представьте, как это волнующе – быть его музой, – мечтательно протянула Марта.

– Правда, королева им недовольна. Он написал письмо, в котором высказался против ее брака с французом, – заметила Молл.

– Она назвала его наглецом, – ввернула Пег.

– Вряд ли ее величество станет долго на него сердиться, – пожала плечами Марта. – Ты с ним знакома, Пенелопа?

– Я... – Пенелопа собиралась рассказать о своей помолвке (удивительно, что они об этом не знают, ведь слухи распространяются среди фрейлин со скоростью чумы), но передумала, опасаясь вызвать ревность новых подруг. – Нет, незнакома. – Должно быть, Лестер ожидает королевского соизволения, дабы объявить об их союзе во всеуслышание. Правда, он ни разу не заговорил с ней о Сидни. – Мы встречались всего раз, мне было двенадцать, и я почти его не помню. – Девушка умолчала о том, что эта встреча накрепко запечатлелась в ее памяти, и с тех пор она придумала тысячу сюжетов с Сидни в главной роли. – Однако он знатен лишь по материнской линии, потому не очень богат. – Пенелопа рассчитывала таким способом перевести разговор на другую тему, но ошиблась, ибо ее реплика вызвала бурное обсуждение.

– Сидни получит состояние своего дяди Лестера, ведь у того нет наследника, – оживленно заметила Пег.

Пенелопа не стала упоминать, что ее мать носит под сердцем ребенка Лестера. Если родится мальчик, малыш вышибет Сидни с пути к наследству, словно кеглю.

– Думаю, он станет для кого-то прекрасной партией, – продолжила Пег, явно надеясь, что этим кем-то станет она.

– На нас с тобой он даже не взглянет, – поддела ее Марта.

– И правда, Сидни довольно замкнутый, – согласилась Молл. – Но в этом его прелесть. Будем надеяться, что матримониальные планы ее величества увенчаются успехом, иначе никому из нас не удастся вступить в брак. – И пояснила, обращаясь к Пенелопе: – Королева не выносит, когда фрейлины выходят замуж, в то время как сама она до сих пор одинока. – Из голоса девушки исчезло веселье. Ей уже двадцать пять, красота увядает, а она по-прежнему прислуживает королеве, хотя могла бы жить с мужем, управлять имением и рожать детей. Несмотря на сочувствие к Молл, Пенелопа неожиданно для себя задумалась, хочется ли ей выходить замуж, ведь ее путь при дворе только начинается.

– А еще она не выносит, когда мужчина, обладающий хоть каплей королевской крови, женится на женщине, в жилах которой тоже течет королевская кровь, ведь их сын сможет претендовать на трон, – сказала Марта.

Непринужденная атмосфера улетучилась. Приятное головокружение сменилось головной болью.

– Помните, что случилось с Катериной Грей, – проговорила Молл. Последовало свинцовое молчание. Пенелопа вновь вспомнила наставления графини. Беспокойство вернулось.

– Остается надеяться, королева все-таки выйдет за своего лягушатника, – тоскливо произнесла Пег. – Хочу спать. – Она отвернулась и накрылась покрывалом.

Пенелопа выскользнула из-под балдахина и улеглась на топчан, наслаждаясь приятной прохладой простыней, однако ей никак не удавалось прогнать тревожные мысли.

Февраль 1581, Детфордские верфи

Пенелопа сидела рядом с Мартой на королевской барже, спрятав руки в рукавах платья в надежде уберечь их от промозглого февральского ветра. Капли ледяной воды, срывающиеся с весел, обжигали щеки. По реке параллельным курсом двигалась вторая баржа с французской делегацией.

Один из французов послал девушкам воздушный поцелуй.

– У тебя появился поклонник, – хихикнула Марта.

– Думаю, сей знак внимания предназначен тебе, – со смехом ответила Пенелопа, мельком глянув на мужчину. – Эти французы такие ветреные. Интересно, вправду ли герцог Анжуйский так безобразен, как говорят?

– Если верить слухам, скоро он будет здесь.

– Неужели королева действительно собирается за него выйти?

– Не могу понять зачем. Ей уже сорок семь, – последние слова Марта произнесла одними губами. – Слишком стара, чтобы родить. Ой! – Девушка ахнула и опустила взгляд. – Он сделал неприличный жест.

Пенелопа глянула на француза – тот медленно облизывал губы – и невозмутимо отвернулась.

– Не обращай на него внимания, – фыркнула она. – Может, королева желает заполучить лягушатника в постель.

– Ну и мысль, – с содроганием отозвалась Марта.

– Думаю, на самом деле она намеревается укрепить союз Англии и Франции.

– Приплыли! – Марта возбужденно дернула Пенелопу за рукав.

Над баржей возвышался огромный корабль «Золотая лань», на котором Фрэнсис Дрейк привез из дальних стран несметные богатства. Леди Хантингдон отзывалась о нем пренебрежительно: «Выскочка, не нашего круга. Не понимаю, что королева в нем нашла». У фрейлин, не столь озабоченных благородным происхождением, Дрейк не сходил с языка; все сошлись во мнении, что он красавец хоть куда.

Елизавета встала, взяла Лестера под руку. Вокруг нее запорхали фрейлины, поправляя юбки. Вуаль из нескольких слоев тончайшего муслина нещадно трепало ветром, так что она едва не слетела с головы вместе с париком. Палуба ходила ходуном; Пенелопе даже пришлось схватиться за плечо одного из гребцов, чтобы не упасть. Она последней из фрейлин сошла на берег, сосредоточенно глядя под ноги, дабы не свалиться в грязную воду, и с благодарностью оперлась на протянутую руку. Ступив на твердые доски пристани, девушка подняла глаза на своего нежданного помощника и встретила пристальный взгляд Филипа Сидни. Лицо мужчины, покрытое еле заметными созвездиями оспин, оказалось так близко, что ее сердце затрепетало.

– Осторожно, миледи. Не двигайтесь – вы в ловушке.

Пенелопа обернулась: подол платья зацепился за гвоздь, торчащий из причальной тумбы. Сидни осторожно высвободил ткань; на указательном пальце темнело чернильное пятно.

– Прощу прощения, порвалось.

– Ничего. – Его взгляд пронизывал насквозь. От волнения у девушки перехватило дыхание. – Это можно зашить.

Они неловко замолчали. Пенелопа остро ощущала его мужественность: на груди под дублетом угадывались твердые мышцы, длинные пальцы крепко сжимали рукоять шпаги. Мысли отчаянно метались, но в голову не приходило ничего путного; даже Елизавета, наводящая на

всех ужас, не могла лишиться ее дара речи, а теперь она теряется в присутствии этого загадочного кавалера.

Оглядевшись, Пенелопа заметила, что королева уже на палубе «Золотой лани» с остальными фрейлинами, а у трапа собралась толпа.

– Благодарю вас, – проговорила она, не в силах встретиться с Сидни взглядом. Он не улыбнулся и не попытался иным образом сгладить ее смущение. Девушке даже показалось, что он в некотором роде получает удовольствие от ее неловкости.

Его слова, произнесенные с запозданием, тут же унес ветер, а Пенелопа слишком робела, чтобы попросить повторить. Она кивнула и поторопилась прочь, сквозь толпу, мысленно ругая себя за то, что не смогла придумать достаточно остроумный ответ, чтобы Сидни ее запомнил. Она оказалась совершенно ошеломлена близостью мужчины, который несколько лет существовал лишь в ее воображении.

Причал продувался всеми ветрами, поэтому дамы придерживали парики, опасаясь, как бы их не сдуло в воду. Королева произнесла речь о подвигах Дрейка, благодаря которым английская казна ломится от золота. Присутствующие зааплодировали, но в этот момент раздался громкий треск.

Пенелопа взглянула наверх, решив, что сломалась мачта, однако та по-прежнему горделиво вздымалась к небу. Послышались крики; оказалось, сходни не выдержали веса толпы и подломились. Человек десять барахтались в воде, умоляя их вытащить. Некоторые уцепились за рейлинги и держались из последних сил, ожидая помощи от команды. Те же, кому повезло избежать падения, потешались над несчастными, – все, кроме Сидни: тот бросил в воду веревку с завязанными узлами и помогал вытаскивать упавших, не обращая внимания на то, что его светлый шелковый дублет оказался испачкан черным речным илом.

Дрейк, униженный и раздосадованный, распорядился принести новые сходни, чтобы французская делегация могла подняться на борт. Королева с веселым удивлением наблюдала за этой сценой; она подозвала Дрейка, осведомилась о характере ущерба, и на ее лице мгновенно отразились забота и участие. К счастью, пострадавшие отделались лишь синяками, царапинами и некоторой потерей достоинства.

Когда наконец все поднялись на борт, набившись на верхней палубе как сельди в бочке, поднялся переполох из-за того, что Елизавета потеряла подвязку. Французский посол де Маршомон вызвался заменить ее своей собственной, что вызвало бурное веселье среди фрейлин и не менее бурное негодование среди дам постарше. Саму же королеву выходка француза лишь позабавила; смеясь и перебрасываясь шутивными репликами с Лестером и де Маршомоном, она заняла почетное место за столом. Глядя на нее, трудно было поверить, что эта беззаботная женщина жестоко наказывает фрейлин за их любовные прегрешения; примером тому несчастная Анна Вавасур, томящаяся с младенцем в Тауэре. Лестер что-то шепнул Елизавете, они улыбнулись друг другу. Пенелопа невольно вспомнила о матери, и ее замутило от гнева и ненависти.

Чтобы отвлечься, девушка принялась разглядывать праздничный стол. Она в жизни не видела такого изобилия; Дрейк постарался не ударить в грязь лицом. По палубе шла вереница слуг, изнемогающих под весом роскошных блюд. В числе прочего подали пирог, начиненный живыми голубями; стоило его разрезать, как испуганные птицы тут же взлетели и уселись на мачте. Один из них капнул на плечо французского посланника; тот лишь посмеялся, стер неприличную каплю салфеткой, однако лишь сильнее запачкал бархатный плащ.

– *Mais c'est de la bonne chance, ça*⁸, – весело произнес он, но вид у него был не слишком довольный. Наверняка ему представилось, сколько прачка запросит за стирку; без сомнений, этот плащ специально заказан для визита к английской королеве.

⁸ Что ж, это на счастье (*фр.*).

Подали жареного гуся с позолоченной головой. Разделявая птицу, Дрейк с наигранным удивлением достал из ее нутра золотой дукат и преподнес королеве. Та подбросила монету?

– Орел или решка?

– Орел, – ответил Дрейк.

– Вы выиграли, – объявила Елизавета. – Достаточно ли вам будет рыцарского звания в качестве награды?

– Более чем достаточно, ваше величество, – ответил тот.

Даже Пенелопа понимала, что это спектакль: весь прием был затеян исключительно ради посвящения Дрейка в рыцари. Леди Хантингдон, не сдержавшись, пробормотала себе под нос: «Если так пойдет, пастухам начнут раздавать графские титулы».

Одно роскошное блюдо сменялось другим. Наконец, когда пир подошел к концу и под звук фанфар появилась сахарная копия «Золотой лани», Дрейк предстал перед королевой, чтобы принять рыцарское звание. Елизавета, по-прежнему преисполненная кипучего веселья, пошутила, что намеревается отрубить ему голову, дабы получить награду, обещанную испанским королем, и вручила шпагу де Маршомону, доверяя ему провести церемонию. Это вызвало у графини очередной взрыв негодования – дескать, французы недостойны такой чести, – однако дама, сидящая рядом, заметила, что подобный жест призван насолить испанцам. Пенелопа вспомнила, как обещала матери быть ее глазами и ушами, и усомнилась, сможет ли выполнить возложенную на нее миссию, ведь она совершенно не понимает, что происходит.

– При чем тут испанцы? – вполголоса спросила она у Марты. – Почему королева хочет им насолить?

– Понятия не имею. Есть вещи гораздо важнее. – Та толкнула Пенелопу в бок и шепотом прибавила: – Он на тебя смотрит.

– Кто?

– А ты как думаешь? Сидни!

Пенелопа с деланным безразличием пожала плечами, опасаясь, как бы Марта не раскусила ее притворство. Впрочем, о Сидни вздыхают все фрейлины, почему она должна стать исключением? От мысли о том, что он на нее смотрит, у девушки закружилась голова. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не взглянуть на него в ответ.

Май 1581, Уайтхолл

Стоял первый по-настоящему теплый день в году. Придворные неспешно покидали ристалище; за ними следовали все остальные. Елизавета шествовала рука об руку с герцогом Анжуйским – они смотрелись словно мать с сыном – в окружении французской свиты. Пенелопа несла вещи королевы – веер, шкатулку для притираний, флягу и хорька на золотой цепочке, подарок герцога. Зверек извивался и пытался спрятаться в рукаве. Отчаянно стараясь удержать равновесие, Пенелопа обернулась и метнула гневный взгляд на Пег, в который раз наступившую ей на пятку. Рядом семенила Марта; девушка оживленно щебетала, переполненная впечатлениями от турнира.

– Как хорош был Арундел в красно-золотом – глаз не оторвать! Ты согласна, Пенелопа? А Сидни... – Она не договорила, не в силах подобрать подходящие слова.

– Все были бесподобны, – ответила Пенелопа, однако думала лишь о Филипе Сидни, хотя нипочем бы в этом не призналась. Едва появившись на арене верхом на серебристо-сером жеребце, он совершенно затмил остальных участников турнира. Его доспехи сверкали на солнце, страусовые перья развевались на ветру, позади ехала свита, будто войско. Конь, чем-то напуганный, поднялся на дыбы, прижал уши и заржал; толпа ахнула. Однако Сидни даже не шелохнулся в седле и с легкостью успокоил животное.

Пенелопа не верила своему счастью, что отец выбрал для нее именно этого мужчину. Увы, после пира на «Золотой лани» Сидни едва взглянул на нее. Она продолжала наслаждаться маскарадами, пирами, охотой, устроенными специально для французских гостей, но в душе начало копиться разочарование, точно пыль в углу. Ей было бы довольно лишь одной улыбки, однако она чувствовала себя невидимкой, будто Сидни не останавливался, чтобы осторожно отцепить от гвоздя подол ее платья, и не смотрел на Пенелопу, словно видел насквозь.

– Похоже, кое-кто хочет привлечь твоё внимание, – сказала Марта, указывая на паж, пробирающегося к ним сквозь толпу. – Кажется, это человек твоего отчима.

– Судя по ливрее, так и есть.

– Лорд Лестер велит вам явиться в его покои, миледи, – проговорил паж, обращаясь к Пенелопе.

– Мне нужно куда-то деть этого зверя, – девушка указала на хорька, который тыкался ей в шею, щекоча усами. – Ты не мог бы отнести его на конюшню и попросить посадить в клетку? – Она одарила паренька улыбкой, от которой молодые люди обычно бросались выполнять все ее пожелания.

– Миледи, я был бы счастлив оказать вам услугу, – ответил тот, – но мне приказано передать письмо королеве.

– Тогда верни ей, пожалуйста, ее вещи. – Пенелопа вручила ему веер, флягу и шкатулку, радуясь возможности освободиться. Паж попытался погладить хорька по спинке, однако тот вывернулся и вонзил пару желтых клыков ему в палец. Парень с криком отдернул руку.

– Дрянная тварь! Неподходящий подарок для ее величества!

Пенелопа, борясь с весельем, взглянула на Марту: та еле сдерживала смех.

– Чего желает от меня лорд Лестер?

– Не знаю, миледи. – Юноша восторженно смотрел на Пенелопу, словно узрел Венеру, выходящую из моря.

– Думаешь, я поверю? У пажей всегда ушки на макушке; ты наверняка что-то слышал. – Пенелопа зажала извивающегося хорька под мышкой, вынула из рукава платок и принялась перевязывать юноше палец.

– Полагаю, дело касается вашего брака, миледи, – шепотом произнес тот. – Но я не вполне уверен. Мне нужно...

Ее сердце замерло.

– Да-да, ты должен передать письмо королеве.

– А это? – Паж указал на перевязанный палец.

– Платок? Он твой. Ну, ступай. – Парень весь лучился от восторга, словно она пожаловала ему высокую награду.

От мысли о грядущей свадьбе Пенелопа вся затрепетала, однако восторг быстро померк при мысли о брачных узах, даже со столь блестящим супругом, как Сидни: выйти замуж означает удалиться от двора, вести хозяйство, рожать детей... погрязнуть в семейном быте, еще не начав жить. Ей представились скучные будни графини: изо дня в день делать одно и то же – молиться, надзирать за прислугой, шить рубашки для бедняков, вести богословские беседы, просить прощения за малейшую оплошность, в то время как граф волен делать все, что его душе угодно. Какая тоска! Словно тебя похоронили заживо. Пенелопе хотелось наслаждаться придворными развлечениями, флиртовать с молодыми людьми, сражающимися за право пригласить ее на танец, участвовать в костюмированных представлениях, играть в карты, фантазировать и мечтать; гораздо интереснее принимать ухаживания, чем быть примерной женой. Графиня вдалбливала ей в голову, что подобное веселое времяпрепровождение – греховная суета, ведущая прямиком в ад, однако Пенелопа считала, что у нее еще будет время искупить свою вину. Молодость и красота недолговечны, словно жизнь бабочки-однодневки. Жаль растрачивать драгоценные мгновения впустую.

– Как скоро, – проговорила Марта, словно угадав ее мысли. – Ты совсем недавно присоединилась к нам, а уже выходишь замуж.

– Ну, свадьба за один день не устраивается, – отозвалась Пенелопа, хотя понятия не имела, как это происходит на самом деле.

– Ты уже знаешь, кого тебе выбрали в мужья?

– Нет. – Пенелопа не хотела признаваться, что речь идет о Сидни, даже простодушной Марте. Скоро и так все узнают. Хорек снова начал извиваться. Девушка крепко взяла его за ошейник, стараясь держаться подальше от острых зубов. Внезапно ей пришло в голову: словно этот зверек, она не властна над своей судьбой и вынуждена полагаться на чужую волю.

Толпа понемногу разошлась. Пенелопа направилась на конюшню. Заметив Сесила, она остановилась посмотреть, как тот, сгорбленный и неуклюжий, словно жук, поднимается по лестнице, ведущей в Большой зал. Один из молодых людей принялся передразнивать его хромоую походку. Остальные рассмеялись. Сесил продолжил идти вперед, не сводя глаз со ступеней. Юношу окружили, кто-то вырвал у него из рук книгу и швырнул товарищу. Молодые люди перебрасывались книгой, словно мячом, но Сесил никак не реагировал; постепенно жестокая игра им наскучила, и они оставили свою жертву в покое. Пенелопа предположила, что он привык к подобному обращению и приучился не отвечать на насмешки; вероятно, ее брат обращался с ним точно так же, когда они в детстве жили вместе.

Подойдя к двери, Сесил поднял книгу, обернулся и встретился взглядом с Пенелопой; на его лице отразилось крайнее презрение. Девушка устыдилась, что у нее не хватило духа остановить обидчиков. Захотелось выразить ему сочувствие, однако его взгляд удивил и напугал девушку. Мгновение – и Сесил скрылся за дверью.

На конюшне было шумно: после турнира конюхи ухаживали за лошадьми. В отдалении провели жеребца Сидни; без яркой попоны и украшений он выглядел не столь впечатляюще. Два юных пажа несли доспехи; один надел шлем и, балуясь, грохотал забралом. Пенелопа зашла в ближайшее строение; внутри стояла невыносимая вонь. Ей пришлось осторожно пробираться между навозными кучами и охапками прелой соломы. Вышитые туфельки из оленьей кожи совершенно не подходили для подобного места.

Пенелопа подозвала мальчишку, несущего ведра с водой, и поинтересовалась, кому можно отдать хорька. Парень, явно робея, поставил ведра на пол и поспешно стащил с головы шапку. Судя по молочно-белой коже, ему было не больше двенадцати. Пенелопа улыбнулась, желая его подбодрить, но в результате смутила еще сильнее.

– Отведи меня к своему хозяину, – сказала она.

Мальчик кивнул, выпалил:

– Я приведу его, миледи, – и исчез за дверью. Оттуда послышалось яростное обсуждение, куда деть хорька и кто должен за него отвечать. Пенелопа уже собралась привязать зверька к ближайшему крюку и удалиться, но тут словно из ниоткуда появился растрепанный Сидни.

– Какая неожиданная встреча, миледи, – с поклоном проговорил он. – Что вы делаете на конюшне с хорьком в руках?

От волнения Пенелопа лишилась дара речи. Внезапно Сидни понял, что на нем нет верхней одежды, только рубашка.

– Надеюсь, вы простите меня за... неподобающий вид. – Он запнулся, по-видимому, смутившись. – Я только что снял доспехи.

– Всегда терялась в догадках, что мужчины носят под броней, – ответила Пенелопа и тут же пожалела о своих словах. Она не имела намерения показаться развязной, ей действительно было интересно, что у мужчин надето под доспехами, чтобы металл не врезался в тело.

В отличие от других знакомых ей молодых людей, которые наверняка придумали бы какой-нибудь фривольный ответ, Сидни сказал:

– Позвольте забрать это создание.

Пенелопа вручила ему хорька. Держа его в вытянутой руке, Сидни распахнул дверь с криком:

– Что у вас здесь творится? Королевская фрейлина ждет на конюшне, а вы обсуждаете судьбу этой твари?

Сквозь открытую дверь Пенелопа увидела, как мальчик отшатнулся, словно ожидая побоев. Не раздумывая, она шагнула вперед и схватила Сидни за плечо. Тот резко обернулся; в его взгляде кипела ярость.

Девушка опустила руку:

– Оставьте. Он пытался мне помочь и не проявил неуважения.

Ярость исчезла из глаз Сидни так же быстро, как появилась.

– Значит, под красивой оберткой скрывается доброе сердце, – негромко проговорил он.

– Что вы имеете в виду?

– Обычно чем больше красоты снаружи, тем меньше внутри.

Пенелопа не привыкла, чтобы ее называли доброй, даже в столь иносказательных выражениях. Девушке часто приходилось слышать похвалы своей красоте, однако привлекательная внешность не более чем дар природы; гораздо важнее то, что скрыто под ней. Она взглянула на Сидни, и тот показался совершенно непохожим на человека, чей образ жил в ее воображении. Вымышленный Сидни изъяснялся в основном романтическими банальностями, словно рыцарь из любовных баллад, а настоящий... Пенелопа не знала, как отнестись к его сомнительному комплименту, но все же ухитрилась придумать достойный ответ.

– Вы говорите, исходя из личного опыта? А как же ваше собственное сердце?

– Ну, я-то не красавец. – Сидни провел рукой по щеке, испещренной оспинами. На указательном пальце красовалось чернильное пятно – напоминание, что перо ему столь же привычно, как и меч. Он резко отвернулся, словно не желая говорить о себе, и обратился к конюхам, с готовностью ожидающим его приказаний.

Пенелопе пришло на ум, что рябые мужчины обычно отрачивают бороду с целью скрыть свой недостаток, а Сидни чисто бреется, тем самым бросая вызов окружающим.

– Этот зверек – подарок королеве от герцога Анжуйского. Прошу вас отнестись к нему с вниманием, – проговорила она.

– Делайте, как сказала леди. – Сидни передал хорька слугам, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. – Похоже, в последнее время я с завидным постоянством вас спасаю. Не вы ли зацепились за гвоздь в Детфорде?

– Я бы не сказала, что вы меня спасаете, да еще с завидным постоянством. – Пенелопа преисполнилась негодования: человек, которому посвящены все ее мысли, даже не знает, кто она такая. – Если мы с вами так близко знакомы, как меня зовут?

Сидни в замешательстве взглянул на нее, беззвучно пошевелил губами, словно силясь вспомнить правильный ответ.

– Поэт не может подобрать слова. – Пенелопа рассчитывала, что ее реплика прозвучит игриво, но получилось укоризненно. Странно, подумала она, если они с Сидни обручены, почему никто не удосужился их познакомить? Неужели он не обсуждал с другими мужчинами достоинства королевских фрейлин? Или настолько равнодушен, что даже не поинтересовался ее именем?

Девушка повернулась, чтобы уйти, однако Сидни схватил ее за руку выше локтя.

– Признаю, вы правы, миледи. Прошу вас, назовите свое имя.

Он стоял так близко, что Пенелопа почувствовала его запах – на удивление свежий, сухой и летний, будто у сена.

– Как вас зовут? – Сидни выглядел совершенно обескураженным. Дурное настроение Пенелопы улетучилось. Она не стала вырывать руку, желая продлить это мгновение.

Графиня пришла бы в ужас; ее воспитанница стоит едва ли не в обнимку с полуодетым мужчиной.

– Вы хорошо знали моего отца, – услышала Пенелопа собственный голос, сдавленный, словно чужой. – Мы встречались один раз несколько лет назад.

– Где? – Сидни оглядел ее с ног до головы. – Я бы запомнил.

– Вы приезжали к нам в Чартли, но вряд ли меня заметили, потому что держались подле вашего дяди Лестера. – Пенелопе тогда было двенадцать лет, Сидни – двадцать один. Он уже тогда выглядел взрослым, а она даже в восемнадцать чувствует себя ребенком, хотя могла быть замужней дамой с парой ребятишек. Этот умудренный жизнью мужчина десять лет провел при дворе, выполнял дипломатические поручения, участвовал в вооруженных стычках – зрелый искусственный человек, а вовсе не мальчик из ее грез, изъясняющийся штампами.

– Леди Пенелопа? Вы – Пенелопа Деверо? – Сидни внезапно улыбнулся. – Две девочки в красных бархатных платьях из Чартли. Видите, я помню.

– Не помните. В тот день я была в голубом, а моя сестра – в красном.

– Когда-то мы были помолвлены. – Он коснулся щеки Пенелопы, но тут же отдернул руку и отступил. Девушка не поняла, что значит «когда-то», однако успокоила себя тем, что зачастую суженые последними узнают о заключении брачного договора. Наверное, ему еще не сказали; она и сама случайно узнала о свадьбе от пажа своего отчима. – Я испытывал глубочайшее уважение к вашему отцу.

– Мне пора. – Пенелопа вспомнила, что ее ожидают в покоях лорда Лестера.

– Буду рад увидеть вас снова.

– Мы непременно встретимся при дворе.

– Я имел в виду, наедине.

Пенелопа улыбнулась и направилась через двор к западному входу. Сидни скоро узнает, что им предстоит провести вместе целую жизнь.

Она поднялась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и помчалась по лабиринту коридоров в покои отчима. На площадке у двери, прислонившись к стене, стоял страж-

ник. Завидев девушку, он выпрямился. Она расправила юбки и кивком приказала отворить дверь.

– Пенелопа! – приветствовал ее лорд Лестер. Высокий и статный, в дублете из сияющей золотой парчи, он походил на солнце, а все остальные напоминали вращающиеся вокруг него планеты.

Пенелопа сделала реверанс и огляделась. За столом, склонившись над бумагами, трудился секретарь, у окна давешний паж играл с другим в «волков и овец». У очага сидели супруги Хантингдон, оба в черном, словно шахматные король и королева. Рядом с ними стоял молчаливый молодой человек, тоже одетый в черное. Его большие карие глаза были так широко расставлены, что казалось, будто они смотрят в разные стороны, полногубый рот слегка приоткрыт, словно от насморка, но, несмотря на это, он был довольно красив, как юноша с итальянской картины. Под мышкой он держал пачку бумаг. Пенелопа приняла его за законника.

– Что тебя задержало? – сухо осведомилась графиня. – Нам пришлось ждать.

Девушка извинилась, чувствуя на себе любопытный взор молодого юриста. Она уже привыкла к тому, что мужчины беззастенчиво ее рассматривают, и послала ему долгий враждебный взгляд.

– Ты должна просить прощения не у нас, – сказал Хантингдон, – а у нашего гостя, лорда Рича.

Юрист вышел вперед, взял потной рукой ее руку и запечатлел на ней слюнявый поцелуй. Пенелопа едва удержалась, чтобы не вытереть ладонь о юбку. Гость явно волновался; ничего удивительного – в присутствии двух самых могущественных графов в Англии кто угодно с непривычки оробеет. Она улыбнулась, желая приободрить его, и он несмело улыбнулся в ответ. На мгновение его глаза загорелись, в их темных глубинах сверкнули золотистые огоньки. Однако было в этом лорде Риче нечто липкое, наводящее на мысли о лягушачьей икре или сырых яйцах. Молодой человек сделал шаг назад и едва заметно кивнул Лестеру.

– Что ж, решено, – объявил тот. – Назначим на начало ноября, перед празднествами в честь годовщины коронации.

– А как же королева, милорд? – спросил Рич.

Пенелопа в замешательстве переводила взгляд с одного на другого, ожидая, когда же гость наконец уйдет и можно будет поговорить о свадьбе с Сидни.

– Ее величество дала согласие. Она расстроена тем, что ей придется отпустить любимую фрейлину, но... – Лестер не договорил.

Рич растянул мокрые губы в улыбке.

Пенелопа сглотнула, не утруждаясь скрыть отвращение. На ее плечи тяжелым плащом рухнуло осознание происходящего.

– За него? Вы хотите выдать меня за него? – Она указала на Рича. – Но я обручена с Сидни!

– Следи за манерами, девочка, – предостерег Хантингдон. Его пальцы сжались в кулак, словно он хотел ударить Пенелопу.

– Сидни? А, вот о ком ты думала! – фыркнула графиня. – Эта помолвка давно расторгнута. Кроме того, у него за душой нет ни гроша, верно, брат? – обратилась она к Лестеру. – Зачав законного наследника, ты отшвырнул его прочь с дороги.

У Пенелопы сдавило горло от гнева при мысли о младенце, родившемся несколько недель назад; этот ребенок, ее сводный брат, ласково именуемый знатным бесенком, встал между Сидни и его состоянием, а заодно и ней, Пенелопой. Все ясно: Сидни недостаточно богат, чтобы жениться на обедневшей дочери графа, чья родословная ведется от самого Эдуарда Третьего.

– Зато Рич вполне подходит – и фамилия подходящая⁹. – Пенелопа махнула в сторону Рича, пренебрегая правилами приличия.

Графиня ахнула:

– Пенелопа, немедленно извинись!

– Ты должна понять, моя дорогая, – проговорил Лестер, – мы, твои родные, печемся исключительно о твоих интересах.

Пенелопа едва не выпалила, что слово «родные» в данном случае не подходит, поскольку она не является Лестеру кровной родственницей, но вовремя воздержалась.

Рич переминался с ноги на ногу за спиной у Хантингдона, нервно играя желваками на скулах.

– Девицы часто бывают недовольны выбором супруга, но в конце концов все улаживается, – продолжил Лестер. Пенелопа не слушала: она думала лишь о Сидни и о том, что она сама ничем не лучше проклятого хорька.

– Я отказываюсь, – заявила она. – У меня есть право.

– Моя дорогая, – Лестер по-прежнему говорил елейным тоном, но Пенелопа заметила, как он крепко сжал кулаки, словно сдерживая бешеную ярость, – уверен, нам удастся тебя переубедить. Рич, – он поманил молодого человека к себе, – расскажи леди Пенелопе о своем имении. – Тот сделал маленький шажок из-за спины Хантингдона. Девушка невольно почувствовала жалость к бедному малому. В конце концов, он тоже лишь пешка в этой игре. – Покажи ей рисунок усадьбы в Лейзе. Дом совершенно очаровательный. Между прочим, Уонстед как раз по пути. – Голос Лестера так и сочился лицемерием. – Пенелопа, радость моя, ты сможешь навещать нас с твоей матерью по пути из Лондона. А в Смитфилде у тебя есть особняк, верно, Рич?

– Да, милорд. – Молодой человек порылся в бумагах, вытащил рисунок дома и сунул Пенелопе под нос. Насколько она могла судить, усадьба ничем не отличалась от других.

– Очень красивое место, – сказал Лестер.

– И есть где развлечь королеву, если она пожелает нанести нам визит, – вставил Рич, заискивающе глядя на графа.

– Несомненно, пожелает. – Тот дружески хлопнул его по плечу, но даже Пенелопа видела неприязнь отчима к молодому человеку.

Ей стало ясно, в чем заключается сделка. Ричу нужна благородная кровь, влияние и милость королевы, и Пенелопа в состоянии все это обеспечить; она же, в свою очередь, станет сосудом, через который деньги Рича польются в ее обедневшую семью. В ушах прозвучал голос Сидни: «Буду рад увидеть вас снова... наедине». В висках застучало. Пенелопа повернулась к графине, затем к Хантингдону. Оба упорно избегали ее взгляда.

– Я должен идти, – сказал Рич, которому явно не терпелось удалиться. – Сообщу матушке хорошие новости. – Он протянул Пенелопе руку, но та, с содроганием вспомнив мокрый поцелуй, ограничилась сухим кивком.

Едва за гостем захлопнулась дверь, как графиня напустилась на нее:

– Как ты посмела так дерзить? Мне стыдно, что ты воспитывалась в моем доме... брак – священная клятва перед Господом, тебе не пристало выбирать и отказываться... я-то надеялась, что научила тебя послушанию... ты истинная дочь своей матери, это ясно как день...

– Хватит! – рявкнул ее муж, поднимая руку.

Графиня умолкла.

– Будь добра, придержи язык, сестра, – еле сдерживаясь, произнес Лестер. – Ты поносишь мою жену.

⁹ Rich – «богатый» (англ.).

Графиня сбивчиво пробормотала извинения. Пенелопа испытала мстительное удовлетворение, однако мысленно пожурела себя: грех находить удовольствие в унижении ближнего своего, даже если этот ближний тиранит тебя почем зря.

– Королева одобрила этот брак, – сказал Лестер, крепко взяв Пенелопу за плечо. – Советую не вызывать ее неудовольствия отказом. Тебе наверняка известно, что происходит с теми, кто лишился милости ее величества. – Он смотрел на девушку холодно и враждебно. Ей немедленно вспомнилась Анна Вавасур, томящаяся в Тауэре.

– Я должна помочь королеве одеться перед ужином, – откашлявшись, проговорила Пенелопа и сделала подчеркнуто низкий реверанс. – Разрешите идти?

– Ступай, – сказал Лестер, и девушка удалилась.

Ее родственники решили, будто она смирилась со своей участью, однако по пути в королевские покои Пенелопа вся кипела от гнева. Нельзя принуждать мужчину и женщину жить вместе, если они не испытывают друг к другу ни малейшей симпатии. Она не выйдет замуж за Рича – и точка.

Ноябрь 1581, Лестер-хаус / Смитфилд

По всей комнате валялись части свадебного наряда. Доротея и Жанна пытались развлечь Пенелопу болтовней, туго зашнуровывая ей вышитый корсет и надевая многочисленные слои одежды: криолин, валик на бедра, нижняя юбка, верхняя юбка, рукава.

– Я так счастлива, что отправлюсь с тобой, – сказала Жанна. Пенелопа вымученно улыбнулась. Девушка тоже радовалась, что подруга детства будет жить с ней в доме мужа; насколько она могла судить, это единственная ее отрада в грядущем браке.

– Кто поедет рядом с твоим паланкином? – поинтересовалась Доротея.

– Наверное, все наши дяди Ноллисы... и Лестер. Он очень доволен, что посредством моего замужества наполнил сундуки дома Деверо. – В голосе Пенелопы сквозило нескрываемое возмущение.

– Прижми. – Доротея показала, куда приложить палец, чтобы придержать шнуровку, пока она завязывает узел. – А Сидни будет? Очень на это надеюсь.

– Я тоже. Ни разу его не видела. – Жанна огорченно развела руками.

– Понятия не имею, – сухо ответила Пенелопа. Ей не хотелось говорить о Сидни, но откуда девушкам знать о ее чувствах к нему? Это тайна, которая ведома лишь им двоим. Их встречи были краткими: разговор на конюшне в Уайтхолле; поспешный обмен фразами под плакучей ивой в Ричмонде; танец рука об руку на пиру; мимолетное прикосновение пальцев в галерее Хэмптон-корта. Мысленно Пенелопа перенеслась в гринвичскую маслодельню: руки Сидни покоились на ее талии, спину холодила влажная стена. Круги сыра и свисающие с потолка мешки с творогом, с которых время от времени падали капли, стали безмолвными свидетелями их первого поцелуя. От воспоминаний у нее внутри все сжалось.

На охоте в Нонсаче лошадь Пенелопы захромала, и Лестер отправил Сидни ей на помощь. Девушка надеялась, что им удастся провести хотя бы полчаса наедине, однако к ним подослали Пег Кэри, вероятно, в качестве надсмотрщицы. Та не смогла скрыть неудовольствия, видя, как Пенелопа сидит в одном седле с Сидни, тесно прижавшись к нему.

– Не могу видеть, как гибнут бедные животные, – сказала Пенелопа.

– Ты слишком мягкосердечна, – фыркнула Пег. – Не так ли, Сидни?

– В Париже я стал свидетелем настоящей жестокости, – отозвался тот. – Людей убивали сотнями. Если бы вы видели задор в глазах убийц, вы бы тоже питали отвращение к насилию. – Сидни на краткий миг встретился с Пенелопой взглядом, и та почувствовала: он ее понимает.

– Варфоломеевская резня? – спросила она. Он кивнул. – У нас дома росла девушка из гугенотов. – Речь шла о Жанне. – В ту ночь она потеряла обоих родителей, своими глазами видела бойню, и теперь бледнеет как полотно от вида крови – даже сейчас, спустя столько времени. Она рассказывала...

– О тех событиях ходит много рассказов, – мрачно произнес Сидни, словно пережитый опыт оставил на нем несмываемое клеймо.

– Но животные – совсем другое дело. Мы убиваем их ради еды, это дар Господа, – возразила Пег. – Ты ведь любишь оленину, Пенелопа?

– Может, и так, однако мне все равно жаль, когда они умирают.

– Мягкосердечная, я же говорила.

– Когда я подстрелила своего первого оленя, то плакала от горя, увидев в его глазах отчаяние.

– Вот глупости – горевать по мертвому зверю.

– Нет ничего дурного в том, чтобы проявлять сострадание к бессловесным тварям. Разве они не испытывают страх и боль? – Пенелопа чувствовала, что Сидни защищает ее не просто

из вежливости: дело в духовном родстве. – Знаете, как развлекается французский король? – спросил он, глядя Пег прямо в глаза. – Ему нравится наблюдать, как кошек зашивают в мешок и подвешивают над огнем. Маленьких пушистых котят – я видел, вы играли с такими в королевских покоях. Он наслаждается их ужасом, с нетерпением ожидая момента, когда пламя коснется мешка и они начнут кричать, сгорая заживо.

– Разве можно описывать подобные сцены? – вскричала Пег. – Это отвратительно!

– Да, отвратительно, – подтвердил Сидни. – Мерзко, жестоко и бесчеловечно. Так же как получать удовольствие от охоты. И, если вы этого не видите, тогда вы...

– Тогда я что? – возмущенно спросила Пег.

– Тогда ты бессердечная, – ответила Пенелопа. Сидни тайком пожал ей руку.

– Дам пенни, чтобы узнать твои мысли, – сказала Жанна, не вынимая изо рта булавки.

– Я страшусь свадьбы, – призналась Пенелопа.

– Почему ты не откажешься? – Доротея поправила ожерелье на шее сестры и отошла, чтобы оглядеть свою работу.

– Ты же знаешь, я не могу.

– А мама... разве она не... – Доротея не договорила, вероятно, вспомнив, что их мать не имеет права голоса в подобных вопросах.

Пенелопа действительно обратилась к ней, умоляла помочь, повлиять на Лестера, отвратить Рича.

– Я люблю другого, – взмолилась она.

Летиция улыбнулась:

– Ну разумеется, так всегда бывает. Это пройдет. Кроме того, любовь и брак не всегда несовместимы. Когда мы с твоим отцом поженились, он был мне безразличен. Я тоже считала, что люблю другого, но со временем мы с Уолтером стали испытывать друг к другу нежные чувства. А дети лишь укрепляют брачные узы. Не сомневаюсь, ты полюбишь Рича, дорогая.

– Ты же вышла за Лестера по любви.

– Посмотри, куда привела моя любовь. Меня изгнали; эта женщина держит моего мужа на коротком поводке, осыпает милостями, оплачивает его долги, жалуется титулы, лишь бы он оставался с ней, а не со мной.

– Ненавижу ее. Ненавижу королеву. – Летиция ахнула. Пенелопа поспешно прикрыла рот рукой.

– Королева не заставляет тебя выходить за Рича.

– Нет, но она попыталась погубить тебя и погубила отца. Ты же сама говорила: «Вложи она достаточно денег в военную кампанию на проклятом острове, он был бы жив». Это твои слова. – Пенелопа толком не знала, как умер отец. Стоило ей войти в комнату, как слуги немедленно умолкали. Он отправился во главе войска в Ирландию – говорили, это большая честь, которая принесет ему славу, – однако так и не вернулся. – Королева исполнена злобы. Если бы не она, я не выходила бы за такого, как Рич. – Летиция раскрыла объятия. Пенелопа бросилась к ней, вдохнула ее запах, крепко закрыла глаза, словно маленькая девочка, а не взрослая восемнадцатилетняя женщина, находящаяся в шаге от алтаря.

– Что бы ни было у тебя на сердце, – прошептала Летиция, – нельзя говорить такое о королеве, даже когда ты одна. Неизвестно, кто может тебя услышать. Запомни мои слова. Подумай о семье: если ты окажешься в милости у ее величества, это пойдет всем нам только во благо. Возможно, когда-нибудь ты сможешь обеспечить будущее рода Деверо. Не теряй голову, Пенелопа. Королева не вечна, и мы должны заручиться поддержкой ее преемника, иначе не выживем.

– Но кто унаследует трон?

– Хороший вопрос. Держись подле нее и наблюдай; рано или поздно все станет ясно. – Пенелопа почувствовала себя беспомощной и растерянной: как она сможет обеспечить будущее семьи? – Твой брат и сестра тоже со временем придут ко двору, однако ты старшая и должна проложить путь. Уверена, ты станешь значительной фигурой. – Летиция помолчала. В ее лице мелькнуло нечто напоминающее гнев. – Возможно, однажды тебе удастся обрести...

Однако она так и не закончила свою мысль. Появилась кормилица с младенцем.

– Смотри, твой новый братик! – Летиция забрала ребенка у няньки и принялась ворковать над ним. – Мой знатный бесенок!

Пенелопа так и не поняла, что мать имела в виду. Однажды тебе удастся обрести... Мир? Власть? *Отмщение?*

Летиция сунула ей младенца. Следовало бы ненавидеть этого малыша, укравшего у Сидни наследство Лестера, но он так доверчиво смотрел на Пенелопу, что она невольно погладила нежную пухлую щечку, приподняла хлопковый чепчик, поцеловала пахнущую молоком макушку.

– Скоро у тебя появятся свои дети, – проговорила мать. – Они будут расти вместе. – С болью в сердце Пенелопа поняла, что отцом ее детей станет Рич.

– Ты витаешь в облаках. – Доротей вернула сестру к реальности.

– Я думала о детях. Позавчера видела нашего сводного брата. Очень хорошенький, так бы и съела. – Она улыбнулась, стараясь не думать о разговоре с матерью.

– Повернись, я тебя причешу. – Жанна провела ладонью по ее волосам: – Как золотая пряжа.

У Пенелопы замерло сердце: Сидни говорил то же самое. В Ричмонде они отстали от королевской свиты и остановились у реки, в зарослях камыша, подальше от посторонних глаз. На берегу рос одинокий нарцисс, прямой и гордый. Пенелопе невольно вспомнилась история о Нарциссе в пересказе Овидия, и они заговорили о мифах – об Эхо, Каллисто, Икаре и жестокости языческих богов. Сидни зарылся лицом в ее волосы и прошептал: «Даже Венера не смогла бы спрясть золотую пряжу тоньше».

– Меня выдают за лорда Рича, – сказала Пенелопа и тут же пожалела об опрометчивых словах. Ей хотелось услышать от Сидни заверения, что он не допустит этого брака, обратится к королеве, попросит отдать Пенелопу ему в жены. Она воображала, как скажет ему, что потеря наследства Лестера не станет им помехой, ведь богатство ее не интересует.

Но он лишь ответил:

– Знаю. Не будем об этом.

Пенелопа почувствовала себя так, будто Сидни ее ударил. Стало ясно – он просто забавлялся с ней, как взрослые мужчины поступают с доверчивыми девушками.

«Слава богу, я не отдалась ему», – думала она, пока Доротей прикрепляла к ее платью жесткий воротник и еще туже затягивала шнуровку, однако в глубине души сожалела, что не переспала с Сидни, и черт с ними, с последствиями, ибо сама мысль о том, что ее девственность завладеет Рич, внушала глубочайшее отвращение.

В последующие недели печаль Пенелопы лишь росла: Сидни с каждым днем отдалялся все больше – отворачивался, когда другие соперничали за право потанцевать с ней, не предлагал руку при спуске с трапа королевской баржи, а когда она отставала от толпы на верховой прогулке или соколиной охоте, всегда находился другой желающий развлечь ее приятной беседой. Пенелопа слишком быстро раскрыла ему свое нежное сердце, однако все еще питала надежду и придумывала самые неправдоподобные объяснения его поведению, пока однажды он сам к ней не обратился.

Дело было в разгар лета во дворце Нонсач; отягощенные плодами ветви клонились к земле, касаясь высокой травы. Сидни взял Пенелопу за руку, молча повел в сад, сорвал ей

персик. От сладости рот наполнился слюной; липкий сок капнул на запястье. Девушка слизнула каплю языком.

Сидни опустился перед ней на одно колено, словно рыцарь из любовного романа.

– Не следовало внушать вам ложные надежды, ибо я знал, что нам не суждено вступить в брак. Я глубоко сожалею о своем поведении, – проговорил он, не глядя ей в глаза. – Надеюсь, вы сможете меня простить.

Пенелопа вымученно улыбнулась.

– Не стоит извиняться, – прошептала она и отвернулась, чтобы скрыть душевную боль. Никакая поэзия в мире не сможет подготовить к первой несчастной любви, к неизбывной тоске, внутренней пустоте, полному отсутствию радости и надежды. Впереди маячил ноябрь. Пенелопа заключила свое сердце в скорлупу, чтобы больше никто не смог его потревожить.

– Скажи, – обратилась к ней Жанна, прикрепляя к лифу нить жемчуга, – правда ли, что... что вы...

– Говори уже, – подбодрила ее Доротея.

– Я слышала... – Француженка понизила голос. – ...что мать вашей матери – не двоюродная, а сводная сестра королевы. Выходит, Генрих Восьмой – ваш дедушка.

Пенелопа переглянулась с сестрой. Возможно, именно поэтому Елизавета с такой готовностью взяла ее под свою опеку. Раньше подобная мысль не приходила ей в голову.

– Говорят, в нас течет кровь Тюдоров, но нам не полагается об этом распространяться.

– Многие судачат о вашем родстве, – сказала Жанна. – К тому же ваша мать очень похожа на королеву.

– Рич наверняка тоже об этом слышал и страшно рад открывающимся для него благам, – фыркнула Доротея.

– Матери это никаких благ не принесло. – До Пенелопы дошло, что брак Летиции с Лестером стал для королевы двойным предательством, а еще ей стало ясно: подобное родство – скорее проклятие, чем преимущество. Благодаря блестящей родословной она попала в ловушку.

– Каков Рич из себя? – поинтересовалась Доротея.

– Не знаю. Я видела его всего пару раз, и он почти со мной не разговаривал. Если ты встанешь у алтаря вместо меня, он вряд ли заметит разницу. – Пенелопа невесело рассмеялась.

– Вы так похожи, что даже я со спины вас путаю, – добавила Жанна.

Пенелопе стало невыносимо грустно: сестра вернется в дом Хантингдонов и жизнь никогда не станет прежней.

– Единственное, что мне известно о моем дражайшем супруге, – у него больше денег, чем он в состоянии потратить. Стану богатенькой леди Рич с именными по всему Эссексу, – объявила она. Доротея фыркнула, все трое расхохотались. – Прибавьте дом в Смитфилде и сады, наполненные диковинными фруктами, столь редкими, что придется держать целый отряд стражи, дабы уберечь их от воров. В фонтанах изо рта мраморных купидонов будет литься вино, а в прудах плавать рыбки из чистого золота.

– Как же они удержатся на плаву? – изумилась простодушная Жанна. – А еще у тебя будут праздники, танцы и музыка.

– Это вряд ли. – Пенелопа резко посерьезнела. – Рич не одобряет греховные увеселения. Он пуританин.

– Но ты же любишь поэзию и поешь как ангел. Разве ты сможешь обходиться без развлечений?

– Не знаю.

Лицо Доротеи омрачилось:

– Вы будете жить в его доме в Эссексе?

– Не сразу. Королева пожелала, чтобы я еще некоторое время оставалась при дворе.

В дверь постучали.

– Ты одета, сестрица? Можно войти? – раздался мальчишеский голос.

– Робин! – Пенелопа почти год не видела брата, и вот он здесь, улыбается из-под копны угольно-черных кудрей, сверкая ямочками на щеках. Они крепко обнялись. – Я так рада, что ты приехал! Дай-ка на тебя взглянуть.

Какой красивый наряд. – Девушка провела пальцем по фиолетовому бархатному дублету, подбитому золотой парчой.

– Подарок от твоего нареченного. Полный парадный костюм, включая шелковые чулки.

– От Рича? Ты его видел?

– Он приехал за мной в Кембридж. Мы отправились к его портному, потом поужинали на постоялом дворе.

– Ну и как он тебе? – спросила Пенелопа. Сперва она удивилась, что будущий муж уделяет столько внимания ее брату, но потом вспомнила: Эссекс формально является главой семьи, Ричу же важно заполнить могущественные связи рода Деверо.

– Очень щедр.

– Вижу, он заслужил твое расположение. – Девушка ущипнула брата за щеку: – Тебе едва исполнилось шестнадцать, а ты уже пользуешься влиянием. – Несмотря на дорогой наряд, Роберт по-прежнему оставался неуклюжим юнцом; над его верхней губой намечалась легкая тень, однако кожа была еще по-детски гладкой.

– Рич – славный парень. Сухарь, конечно, но неплохой.

– Ты знаешь его лучше, чем я, – произнесла Пенелопа, не в силах скрыть горечь.

– Запомни, сестра: твое благополучие для меня превыше всего. – Эссекс выпрямился, расставил ноги и грозно оскалился. – Если он будет дурно с тобой обращаться, я за тебя отомщу. – Внезапно он стал выглядеть очень взрослым. – Я так ему и сказал: мое благоволение зависит от его доброго отношения к тебе.

Пенелопа почувствовала прилив любви к брату, нежно поцеловала его в щеку и, взяв Доротею за руку, произнесла:

– Деверо держатся вместе, словно лепестки в бутоне. Нас не разлучить.

– Мои прекрасные сестры, – сказал Эссекс. – Как же мне с вами повезло.

– Жаль, что Уота нет с нами. Мы не собирались все вчетвером со смерти отца, – проговорила Доротея, словно угадав мысли Пенелопы о младшем брате.

– Он приедет с матерью, – сообщил Эссекс.

– Значит, мы будем вместе! – радостно воскликнула Доротея.

– А потом меня уведут на брачную ночь. Как мне это вынести? – вздохнула Пенелопа.

– Выпей побольше вина. У тебя закружится голова, и ты ничего не почувствуешь, – посоветовала Доротея. Все рассмеялись, но на душе у Пенелопы скребли кошки.

Пенелопа последовала совету сестры и, к тому времени как осталась наедине с мужем, так захмелела и устала, что едва не валилась с ног. На свадебном пиру пили за Англию и королеву, за молодоженов и будущих сыновей. Тосты следовали один за другим, и каждый раз Пенелопа осушала полный кубок французского вина, купленного Ричем. Вместо танцев последовали благодарственные молитвы.

– Вижу, вам требуется твердая рука, – сказал Рич, отворяя дверь в спальню. Он крепко стиснул пальцы Пенелопы, так что обручальное кольцо врезалось в кожу.

– Вы делаете мне больно, – проговорила она.

– И сделаю еще больнее, если не будете вести себя благоразумно.

– Что вы имеете в виду? – борясь с головокружением, девушка пыталась угадать настроение мужа.

– Вы прилюдно унизили меня на нашей свадьбе перед всеми родственниками. Теперь вы моя жена, и я больше не позволю меня унижать. Это ясно? – Рич еще крепче сжал пальцы.

Пенелопа испугалась, что он их сломает, однако даже не поморщилась, чтобы не доставить ему удовольствия видеть ее боль.

– Ясно, – ответила она, сквозь винный туман вспоминая подробности свадебной церемонии.

На пороге церкви Пенелопа наступила на подол платья и ударила локтем о купель так сильно, что слезы брызнули из глаз. Собравшиеся имели серьезный торжественный вид, какой обычно принимают на свадьбах. Девушка медленно двигалась в жестком платье, напоминающем гроб, не решаясь повернуть голову из опасения, что накрахмаленный воротник перережет ей шею. При виде членов семьи Сидни у нее перехватило дыхание; среди них был и Филип. Она схватилась за руку Жанны, чтобы не упасть, но потом поняла, что обозналась: это не Филип, а его младший брат Роберт. Пенелопа сделала вид, будто рада его отсутствию, однако почувствовала себя брошенной. Она вызвала в памяти воспоминания о том, как он с ней обошелся, однако все равно не смогла его ненавидеть.

Рич безучастно наблюдал за ее приближением. В углах его рта затаилась презрительная усмешка, словно он испытывал к Пенелопе отвращение; возможно, он просто робел перед лицом будущей супруги и ее влиятельных родственников, в жилах которых течет королевская кровь. Вероятно, ему казалось, что они считают его ниже себя (по правде говоря, так и было). Пенелопа подошла к нему и попыталась улыбнуться, однако во рту пересохло и улыбка получилась неубедительной. Рич сглотнул, видимо, от волнения; девушка посочувствовала ему, но легче ей от этого не стало.

Священник начал службу. Повинуясь его знакам, Пенелопа покорно, словно марионетка, опустилась на колени, потом снова встала. Казалось, будто она присутствует на собственных похоронах. Неужели ей предстоит всю жизнь провести с этим суровым молодым человеком? Девушку охватила паника, точно ее заживо замуровали в склепе.

– Берешь ли ты этого мужчину...

– Я не могу... – Пенелопа шагнула назад, к матери, но увидела ее каменное лицо, рядом – разгневанного Лестера, чуть дальше – Хантингдонов. Граф открыл рот от ужаса, графиня схватилась за голову. Братья и сестра вытаращили глаза от удивления. Гости начали перешептываться – до них потихоньку начало доходить, что происходит. Пенелопа упала на колени перед Лестером и матерью.

– Умоляю, не заставляйте меня... – Девушка собрала всю свою храбрость, поднялась на ноги и объявила: – Я желаю воспользоваться правом отказаться. У меня ведь есть такое право? – На лицах ее родственников отразились разочарование, изумление и гнев.

– Верно ли я понял, что вы отказываетесь брать этого человека в мужья? – осведомился священник, не скрывая нетерпения, словно Пенелопа была капризным ребенком, отнимающим у него время.

– Отказываюсь.

Лестер встал, крепко взял ее за руку и подвел обратно к Ричу, прорычав на ухо:

– Ради бога, девочка, веди себя прилично. С чего ты взяла, будто у тебя есть выбор?

Пенелопа не смела взглянуть на будущего мужа. Ей представились молодые бычки, которых приводят на бойню; сперва они не подозревают, что их ждет, потом чувствуют в воздухе запах страха, тревожно оглядываются, переступают с ноги на ногу, но ничего не могут изменить.

Так и она: даже если ей удастся отказаться от замужества, что дальше? Семья от нее отречется, королева отлучит от двора.

– Я готова, – сказала она священнику. – Это была минутная слабость. Вступать в брак не всегда легко.

Родственники за ее спиной облегченно вздохнули. Священник откашлялся и повторил слова брачного обета.

Пенелопа открыла рот, чтобы ответить, однако из горла вырвался лишь слабый шепот. Впрочем, священник этим вполне удовлетворился. Девушка вся застыла, словно зимний пруд; где-то глубоко еще теплится жизнь, но туда не добраться. Обручальное кольцо туго сдавило палец, рука налилась свинцом. Наконец Пенелопа собралась с силами и взглянула на супруга. Рич выглядел несправедливо обиженным; щеки его горели от сдерживаемой ярости.

– Не «ясно»! – рявкнул он, вталкивая Пенелопу в спальню. – Не смей так говорить со своим мужем. Твой дерзкий нрав необходимо обуздать. – Он схватил девушку за горло. – «Я глубоко сожалею, милорд»! Ну, говори!

Пенелопа хотела плюнуть ему в лицо, но побоялась, что он ее ударит.

– Говори же!

– Я глубоко сожалею, милорд. – Она преувеличенно улыбнулась, словно актриса, желающая рассмешить публику.

Рич повалил ее на кровать, по-прежнему держа за горло.

– Думаешь, ты лучше меня? Вся твоя родня так считает, вы кичитесь своей благородной кровью. Теперь ты моя жена и будешь меня слушаться. Считаешь себя самой красивой из королевских фрейлин? Знай, мне ты противна.

– Если я вам противна, в этом лишь ваша вина, – ответила Пенелопа, глядя ему в глаза. – Можете овладеть моим телом, но мое сердце вам не заполучить.

– Твое тело... – с отвращением процедил Рич. – Ты – дочь Евы! – Он принялся одной рукой развязывать завязки на своей одежде, второй продолжая крепко сжимать запястья Пенелопы. Она решила, что криком не выдаст своей боли и не доставит ему удовольствия, умоляя остановиться. Рич крепко зажмурился и начал бормотать псалом: – Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно будет на земле семя его; род правых благословится... – Не открывая глаз, он задрал жесткие юбки свадебного платья Пенелопы.

Девушка смотрела на расшитый птицами и цветами полог кровати, силясь представить себя в этом вышитом саду среди шелковой зелени под лучами парчового солнца, но, как ни пыталась укрыться в воображении, телом она оставалась в спальне смитфилдского дома, наедине с мужем, раз за разом повторяя про себя: «На веки вечные», в ожидании боли.

– Будет немного неприятно, – предупредила ее мать. – Не бойся размеров его члена, так и должно быть. Просто позволь ему исполнить свой долг. – Пенелопа понятия не имела, что означает «исполнить свой долг». Молодой муж тыкался в ее нижние части, хрюкая как кабан. Она толком не знала, что от нее требуется, лишь радовалась, что вино затуманило ей рассудок и запястья наконец свободны.

Рич взял ее руку и положил на свой орган. Тот оказался совсем не таким, как она представляла: на ощупь липкий, как сырое мясо. Рич принялся тереться членом о ее лоно. Пенелопа крепко зажмурилась и, призвав на помощь воображение, представила на его месте Сидни, светлогозлого, пахнущего свежескошенной травой, шепчущего слова любви. Внутри поднялась жаркая волна. Наверное, в брачную ночь грешно думать о постороннем мужчине, подумала девушка. Мать не просветила ее по этому поводу. Рич продолжал бормотать псалом. Пенелопа старалась обратиться мыслями к Господу, но перед глазами по-прежнему стоял Сидни. Наконец муж со стоном скатился с нее, сел, поправил одежду и вышел, не сказав ни слова.

Ноябрь 1581, Смитфилд / Уайтхолл

На следующее утро Рич не показывался до тех пор, пока Пенелопе не подали лошадей к отъезду. Мучаясь головной болью после вчерашних возлияний, она уже собиралась послать за супругом Жанну, однако тот явился сам.

– У вас усталый вид, – обвиняющим тоном заявил он.

– Я спала как младенец, благодарю вас, – солгала Пенелопа.

– Отправляйтесь во дворец и выклянчите для меня расположение ее величества. – Рич подал ей руку, чтобы помочь сесть в экипаж. Едва конюх отвернулся, он больно схватил ее за запястье и поцеловал в губы. Пенелопа призвала всю силу воли, чтобы не отшатнуться.

– Вы отправитесь в Лейз? – Скорей бы он оказался как можно дальше, взмолилась она. Рич кивнул, и девушке невольно пришла мысль о несчастном случае.

Как только экипаж тронулся, Пенелопа надела усыпанный изумрудами браслет, презент от Лестера, на другую руку, чтобы скрыть синяк. Не исключено, что столь дорогой подарок преподнесен в качестве извинения, подумала она. Хотя нет, вряд ли.

– Расскажи мне все, – потребовала Марта, вышедшая встретить Пенелопу.

Во дворе Уайтхолла толпилось непривычно много стражи.

– Нечего рассказывать, – ответила та.

– А как же свадьба?

– Лучше не вспоминать. – Лицо Марты вытянулось от разочарования. – Просто... – Пенелопа не знала, как выразить свои чувства, к тому же Марта незнакома с Ричем и не подозревает о ее любви к Сидни. Своими переживаниями она могла поделиться лишь с Жанной – милой верной Жанной, которой можно доверить любую тайну.

– Не представляешь, что у нас тут случилось, когда ты уехала. Католики сговорились с папой и замыслили убить королеву и всех ее советников. – Глаза юной фрейлины блестели скорее от возбуждения, чем от страха. – Они собрали отряд из пятидесяти вооруженных мужчин, чтобы напасть на нее и лишить жизни!

Пенелопа содрогнулась, вспомнив об ужасах парижской резни. Жанна предпочитала не думать о страшной ночи, когда тысячи человек погибли от рук католиков, однако то немногое, что она поведала, накрепко врезалось в память Пенелопы – крики, запах крови, плывущие по реке трупы: воистину настоящий ад.

– Здесь, в Англии? – спросила она.

– Да, здесь. Они собирались посадить на трон Марию Шотландскую. Нам велели не выходить в сад – слишком опасно.

Пенелопа иногда вспоминала о шотландской королеве, уже тринадцать лет томившейся под домашним арестом в Шрусбери, пока трон занимал ее юный сын Яков. Имя Марии не полагалось произносить в присутствии Елизаветы, однако фрейлины часто о ней судачили; в их устах она превратилась в мифологический персонаж, словно на самом деле ее не существовало.

– Берли приказал удвоить стражу. Заметила?

– Да, я удивилась, почему их так много у ворот.

– Ты еще внутри не была. Они выстроились по всей главной галерее.

Марта не преувеличивала. Вход в королевские покои охраняло не меньше дюжины стражников с алебардами.

– Католический священник Кампион¹⁰ арестован за проведение тайных богослужений, – вполголоса проговорила она. – Его допрашивают в Тауэре.

– Бедняга.

– Он же изменник.

– Все равно, он творение Господа. – От одной мысли о том, что сейчас происходит с этим человеком, Пенелопу бросило в дрожь.

Девушки приблизились к дверям королевских покоев. Стражники потребовали распахнуть накидки – «Хотят удостовериться, что при нас нет ничего опасного», – прошептала Марта, – прежде чем позволили пройти.

Внутри все выглядело как обычно, однако в воздухе чувствовалось напряжение. Королева и Берли ожесточенно спорили. Сын Берли, Сесил, переминался с ноги на ногу за спиной отца, словно не находил себе места. Перехватив его взгляд, Пенелопа улыбнулась, однако тот сделал вид, будто рассматривает гобелен.

– Я не стану узницей в собственном доме, – не скрывая раздражения, говорила Елизавета. – Эти испанцы годами желали моей смерти. Меня не запугать жалкими слухами.

– Мадам, прошу вас проявить благоразумие. Не выходите в сад, пока мы не сможем удостовериться в вашей безопасности. – Берли поклонился, нервно стискивая руки.

Раньше двор представлялся Пенелопе средоточием роскоши и романтических отношений, гудящим пчелиным ульем, в центре которого, словно пчелиная матка, восседает Елизавета, окруженная придворными, жаждущими ее милости. Теперь же стало ясно – все эти пчелы, включая королеву, борются за жизнь, а роскошь и романтика нужны лишь для отвода глаз. Грозовая туча, нависшая над дворцом, находилась здесь всегда. Пенелопа вспомнила свои неосторожные, нечестивые слова: «Ненавижу ее. Ненавижу королеву». Это все равно что сказать: «Ненавижу Господа». Но разве могла она оставаться равнодушной, видя унижение матери, преждевременную смерть отца и собственный несчастный брак, одобренный королевой и потому неизбежный? Однако, как оказалось, положение дел гораздо более запутанно, чем можно представить. Девушку раздирали противоречивые чувства. К бесхитростной детской ненависти прибавились восхищение и страх – да, страх, пусть даже тщательно скрываемый.

Выходит, королева каждый день живет с осознанием, что две наиболее могущественные силы во всем мире – Священная Римская империя и Испания, равно как ее собственные подданные-католики, – желают ей смерти. Она вынуждена быть безжалостной, тут ничего не поделаешь. Но все равно у Пенелопы не шли из головы мысли о католическом священнике, страдающем на дыбе.

Ожидая, пока ей разрешат войти, девушка задумчиво смотрела в окно. Можно ли выстрелить из пистолета в стекло? Если такое случится, какой переполох поднимется! Она вспомнила о муже, и ее сердце словно окаменело. Наверное, Рич уже на полпути в Лейз.

На небе клубились тяжелые тучи. Начался дождь: редкие капли превратились в настоящий ливень. Люди во дворе забегали в поисках укрытия.

– Кажется, Господь на вашей стороне, Берли, – со смехом заявила королева. – В такую погоду я на улицу не выйду. Полагаю, мои убийцы тоже.

Берли криво улыбнулся, его сын вежливо хихикнул, но больше никто не рассмеялся. Все вернулись к своим делам – шитью, чтению, написанию писем.

Заметив Пенелопу, Елизавета просияла.

– Моя пташка вернулась! – воскликнула она. – Рада тебя видеть. Ни одна из этих девиц не сравнится с тобой в пении. Мне целыми днями приходилось слушать, как они коверкают мои любимые мелодии. Ну что, нравится тебе быть замужней дамой?

---

¹⁰ Эдмунд Кампион (1540–1581) – английский католический священник. Был осужден за измену, повешен и четвертован в Тайберне. Канонизирован в 1970 году как один из сорока мучеников Англии и Уэльса.

Пенелопа замешкалась с ответом из опасения, что на ее лице отразятся истинные чувства.
– Все совсем по-другому, – наконец ответила она, сознавая, насколько глупо звучат эти слова. Пег Кэри закатила глаза.

– По-другому? – переспросила королева. – Ни разу не слышала ничего подобного от ново-брачной.

– Я хотела сказать, ваше величество...

– Нет-нет, – перебила та с кривой усмешкой. – Ответ меня устраивает. – Пенелопа восхитилась ее выдержкой: ни в голосе, ни в осанке Елизаветы не чувствовалось страха, хотя, судя по удвоенной страже и нервно стиснутым рукам Берли, ей действительно угрожала опасность. – Желаю послушать песню. Надо отвлечься от всего этого, – королева махнула рукой в сторону Берли и Сесила, своими черными одеяниями напоминавших ворон, столпившихся вокруг падали. Сесил тут же повернул к ним голову. Пенелопе вспомнились слова матери, сказанные при последней встрече: «Остерегайся сына Берли; если он таков, как его отец, он нам не друг».

Глашатай возвестил о прибытии Лестера. На лицах Берли и его сына отразилось неодобрение. Наряд королевского фаворита сверкал серебром, с мокрого плаща струилась вода. Проходя мимо Пенелопы, отчим подмигнул – дескать, он в курсе, через что ей пришлось пройти прошлой ночью. От мысли, как гости бражничали и судачили о том, что происходит в спальне, девушку замутило.

Лестер приблизился к Елизавете. Та похлопала по сиденью рядом с собой и взяла его за руку, словно они муж и жена. В душе Пенелопы вскипело возмущение. Неужели королева действительно виновата в смерти отца? Столько вопросов, на которые нет ответов.

Не в силах смотреть, как Елизавета милуется с Лестером, Пенелопа оглядела зал и среди свиты отчима заметила Сидни; тот был весь в черном, будто носил траур. На мгновение их взгляды встретились; девушка поспешно отвернулась к окну, за которым по-прежнему бушевал ливень. Ей невыносимо захотелось сбежать под дождь и умчаться прочь без оглядки.

– Леди Рич споет для нас, – проговорила королева. – Принесите ей сиденье и лютню.

Пенелопа внутренне содрогнулась от звука своего нового имени, произнесенного в присутствии Сидни. Краска бросилась ей в лицо. Стараясь не смотреть в сторону Лестера и его свиты, она вышла вперед, взяла лютню, толстую и круглую, словно младенец, и принялась подтягивать струны. Сидни не сводил с нее глаз, но ей не хватило духа даже взглянуть на него.

– Какую песню вы желаете услышать, ваше величество? – спросила Пенелопа, надеясь получить подсказку, ибо в ее голове крутилась лишь одна мелодия, совершенно не подходящая к случаю.

– Сыграй, что хочешь, – ответствовала Елизавета.

Пенелопа знала сотни песен, однако все они куда-то улетучились, поэтому она начала:

Любовь лишь избранным нужна.

Королева одобрительно хмыкнула. Не сводя взгляда со струн, девушка сосредоточилась на звуке собственного голоса.

В том есть резон.

Песня захватила ее и понесла, как река лодку. Пенелопа чувствовала восторг зрителей, наполняющий девушку ощущением могущества. Она подняла голову и, глядя Сидни прямо в глаза, пропела:

Ведь умереть она должна —

Таков закон.

Ответный взгляд мужчины был исполнен печали. Пенелопа затрепетала от радости, словно сломала копье о его доспехи и выиграла очко.

Кто сердце ей решил отдать,
Пусть приготовится страдать.

Возможно, Сидни хорош на турнирном поле, но здесь – ее арена. Девушка оглядела придворных, игриво останавливая взгляд то на одном, то на другом, и продолжила:

Амура предадим суду —
Он раздает любовь за мзду¹¹.

Зрители разразились бурными аплодисментами, лишь Сидни угрюмо смотрел в никуда. Пенелопа склонилась перед Елизаветой в реверансе. Ее самоуверенность несколько поколебалась при виде графини: та сидела с натужной улыбкой, чопорно сложив руки на коленях. Девушка вспомнила о своем муже-пуританине: наверняка он считает подобные развлечения греховными. Впрочем, если Рич желает, чтобы его жена добилась расположения королевы, ему придется терпеть пение и музыку. Ей стало ясно: каждый из придворных вынужден чем-то поступиться – принципами, любовью или верой. Этого не избежать; взгляните, что происходит с теми, кто отказывается идти на уступки, – взять хотя бы того несчастного священника. Пенелопа представила, как он висит на дыбе, обливаясь потом и стиснув зубы, а его кости выворачиваются из суставов отвратительным щелчком, какой можно услышать, когда разделяешь цыпленка.

– «Сладкая ложь!» – выкрикнул кто-то название песни.

– Мне понадобятся ноты, – ответила Пенелопа. Повинуясь приказу королевы, паж раскрыл перед ней песенник, чем вызвал завистливые взгляды других юношей. Девушка удобно устроилась на табурете и принялась настраивать лютню. Просьбы следовали одна за другой, и она пела, наслаждаясь всеобщим одобрением, пока у нее не сел голос. На сцену вышли музыканты, фрейлины выстроились в ряд, намереваясь танцевать, а утомленная Пенелопа села отдохнуть у окна.

Незаметно, словно призрак, приблизился Сидни и попросил разрешения сесть рядом. Пенелопа безмолвно кивнула. Ее защищала новообретенная сила; сердце как будто укрыли доспехи, оснащенные острыми шипами.

– Вы в трауре? – осведомилась она, коснувшись его черного бархатного дублета. – От вас исходит печаль.

– В некотором роде, – ответил Сидни, опустив глаза. – Вы слышали об иезуите Кампионе, которого должны казнить?

Пенелопа кивнула, смущенная тем, что разговор принял серьезный оборот. Она не предполагала, что Сидни скорбит по-настоящему, и внезапно почувствовала себя недалекой и наивной: ее волнуют сердечные дела, в то время как вокруг происходят гораздо более значимые события.

– Он мой близкий друг.

– Но он же католик, враг государства.

– Все не так очевидно. – В голосе Сидни слышалось нетерпение, даже гнев. Пенелопа хотела выразить сочувствие несчастному, однако сдержалась, понимая, что совершенно не раз-

---

¹¹ Перевод Е. Савиной.

бирается в случившемся. – Я считаю, люди должны молиться Господу, как им угодно. Чемпион посвятил себя вере, а не политике.

Девушка в упор взглянула на него:

– Как можно отделить веру от политики, если католики постоянно устраивают заговоры против ее величества?

– Увы, никак. – Сидни вздохнул. – Чемпиону не избежать печальной участи. А поскольку он мой друг, я попал в немилость к королеве. Мне не удастся ей угодить. Однако вам ни к чему слушать мои жалобы. Кроме того, – он отвернулся, чтобы Пенелопа не видела его лица, – я скорблю не только по Чемпиону.

– По кому еще?

Сидни пробормотал нечто неразборчивое.

– Я вас не слышу. – Пенелопа заметила, что Пег Кэри и Молл Гастингс оторвались от вышивания и смотрят в их сторону. – По кому? – повторила она, стараясь не обращать на них внимания.

– По вам, – наконец выдавил он.

– По мне? – В ее душе вскипела буря чувств, но она твердой рукой удержала их в узде. – Я еще жива.

– Но для меня вы потеряны.

– Я никогда не была вашей. Вы сами не пожелали на мне жениться. Помните, вы сказали, что внушали мне ложные надежды и вам очень жаль?

– Я ошибался.

Ярость забурилась еще сильнее.

– Ошибались? Поздно признавать ошибки. – Пенелопа отстранилась, намереваясь встать, но Сидни удержал ее. Пег и Молл не сводили с них глаз. – Не прикасайтесь ко мне.

– Позвольте объясниться.

– Нечего объяснять.

– Что это? – Он отодвинул изумрудный браслет, прикрывающий ссадину на запястье.

– Ничего. – Пенелопа вырвала руку.

– Это он сделал?

– Не ваша забота. – Придворные начали оборачиваться. Девушка притворно улыбнулась. – Если позволите, я присоединюсь к подругам. – Она надменно протянула руку. Сидни почтительно поцеловал ее.

– Позвольте увидеться с вами наедине.

На его лице отразилось страдание. Пенелопа едва не поддалась, но вспомнила о шипастых доспехах, защищающих сердце, и отрицательно качнула головой.

– Прошу вас.

– Не глупите, – проговорила она, словно увещевая капризного ребенка, и степенной походкой направилась прочь, однако в ее душе бушевали нешуточные страсти.

– О чем вы говорили? – спросила Пег, провожая Сидни взглядом.

– Он жаловался, что королева не осыпает его милостями. Не знаю, с чего он взял, будто я могу помочь. Не выношу нытиков.

Пег недоверчиво фыркнула:

– Значит, в браке все по-другому?

– Именно так, – ответила Пенелопа.

Она села на подушки между девушками и принялась пришивать бусины к портюере, краем глаза наблюдая за бледным растерянным Сидни, взирающим на нее с противоположного конца зала. Рядом тихо переговаривались Берли и Сесил.

– ...если бы покушение увенчалось успехом... – говорил Берли, – ...одному Богу известно, что бы тогда началось... не доверяй Лестеру, он...

Услышав имя отчима, Пенелопа придвинулась ближе.

– Но вы много раз говорили, отец, нельзя заставить ее назначить наследника. – Сесил крепко прижал к груди конторскую книгу, словно содержимое той составляло государственную тайну. Пенелопа отметила, что пальцы у него короткие и уродливые, хотя ногти чистые и аккуратно подстрижены. Это не руки воина; на них нет ни мозолей, свидетельствующих о долгих тренировках, ни шрамов от многочисленных схваток. Такие руки принадлежат человеку, стремящемуся произвести наиболее выгодное впечатление. Ее заинтриговал странный кривобокий юноша, которого, по слухам, прочат на место отца.

– Необходимо обеспечить будущее Англии, – проговорил Берли. – И наше тоже. Мы должны как следует подготовиться, иначе рискуем... – Он помолчал и продолжил, понизив голос: – Если эта шотландка заполучит скипетр, нам конец. – Сын медленно кивнул.

– Такого нельзя допустить. – Пенелопа впервые разглядела в молодом человеке, робевшем даже взглянуть на нее, не то что улыбнуться, упорную целеустремленность. Казалось, для достижения цели он готов на все.

Пенелопа вспомнила свой разговор с матерью перед свадьбой: «Подумай о семье: если ты окажешься в милости у ее величества, это пойдет всем нам только во благо. Возможно, когда-нибудь ты сможешь обеспечить будущее рода Деверо». Тогда она растерялась, но сейчас начала понимать: благополучие каждого, кто находится в зале, зависит от одной-единственной женщины, поэтому все здесь соперничают за высокие должности и стремятся укрепить положение своей семьи.

Декабрь 1581, Лестер-хаус, Стрэнд

– Проследи за нашими вещами, – обратилась Пенелопа к Жанне. – И скажи матушке, что я здесь.

Она спешила и подвела Красотку к яслям. Молодой конюх снял с кобылы седло.

– Альфред, бедняжке по-прежнему натирает. Нужно смазать ей спину окопником, чтобы облегчить боль. Сегодня вечером я поеду к мужу в Смитфилд, мне понадобится лошадь.

При мысли о ночи наедине с супругом сердце Пенелопы болезненно сжалось. Рич часто бывал при дворе, наслаждаясь новообретенным положением, однако личных покоев в Уайтхолле ему не полагалось, поэтому он ночевал в Смитфилде. В результате Пенелопа имела возможность прислуживать королеве, и такое положение дел вполне ее устраивало.

– Я нанесу ей мазь, миледи, – ответил Альфред.

– Лучше я сама. Ах ты, моя девочка. – Пенелопа похлопала Красотку по холке, взъерошила подстриженную гриву. – Раствори, пожалуйста, корень окопника.

Альфред улыбнулся и кивнул.

– Попрошу матушку, чтобы она отпустила тебя со мной в Смитфилд. Мне боязно доверять лошадь тамошнему конюху. Это всего на пару дней. Ехать недалеко, так что ты в любой момент сможешь вернуться, если потребуется.

– Как пожелаете, миледи. – Похоже, Альфред был доволен. Он появился в Чартли еще совсем мальчишкой, но уже тогда знал толк в лошадях. Пенелопа видела, как однажды он успокоил дикого пони, просто подув ему в ухо. – Отсюда не больше десяти минут верхом. Хороша ли конюшня в Смитфилде?

– Вполне сносная.

– Вы, наверное, рады возможности встретиться с супругом, миледи.

Пенелопа кивнула. Сердце сжалось еще сильнее. Как хорошо было в детстве! А теперь она замужем, к тому же вынуждена постигать премудрости придворной жизни. Альфред сходил в амбар, принес пригоршню корней окопника, ступку и кувшин гусяного жира и принялся, насвистывая, готовить мазь. Пенелопа наблюдала за его работой, лишь бы не входить в дом.

Мать непременно начнет выпытывать, что происходит в королевских покоях. Как ведет себя Лестер с королевой? Чем занят Берли? Его уродливый сынок все еще при нем? Не спускай с них глаз... они слишком могущественны. Кто из фрейлин нынче в фаворе? Новые украшения – верный признак благоволения королевы... Потом, разумеется, последует вопрос о месячных.

Регулы пришли в срок. Пенелопа испытала разочарование, однако мысль о ребенке, который мог быть зачат в брачную ночь, внушала противоречивые чувства. Разве после столь безрадостного соития может появиться малыш? С другой стороны, если она забеременеет, Рич оставит ее в покое. Пенелопа словно попала в одну из картинок-загадок, меняющихся в зависимости от угла зрения. А еще Сидни, о котором она думала постоянно, одержимо, словно пес, зализывающий рану. Порой казалось, будто он навеки исчез из ее мыслей, но стоило вспомнить его скорбное лицо, как сердце принималось болеть с новой силой.

– Вы видели щенка, миледи? – Альфред вручил ей ступку с истолченным окопником и кувшин с жиром.

– Какого щенка? – Пенелопа стала втирать мазь в ссадины на спине Красотки. Кобыла дернулась, однако тут же успокоилась.

– Одна из спаниелей вашей матушки оценилась. Детенышей было двое, но один родился мертвым. Главный конюх приказал сунуть второго в мешок и утопить.

– Ты ведь этого не сделал? – возмущенно воскликнула Пенелопа.

– Разумеется, нет, миледи. Я надеялся, вы сжалитесь над бедолагой. – Альфред лукаво улыбнулся.

– Ты слишком хорошо меня знаешь. Покажи его.

Молодой человек указал в отгороженный угол. Оттуда сверкала пара настороженных глаз. На соломе лежала сука, рядом спал щенок. Малыш тихо повизгивал и дергал лапками; должно быть, ему снилось, будто он ловит мышь.

– Ты не сомневался, что мое сердце растает, да, Альфред?

– Даже не предполагал, миледи. – Однако улыбка конюха говорила об обратном. – Его уже можно забирать у матери. Хотите?

– Ах ты, злодей. Разве я смогу отказаться?

Щенок пошевелился, открыл глаза, на нетвердых лапках подковылял к Пенелопе, обнюхал ее ладонь. Девушка взяла его на руки, позволила пожевать пальцы, думая о том, как отрадно заботиться о столь милым созданием.

– Можно забрать малыша прямо сейчас? – Она встала. Сука еще раз взглянула на нее, закрыла глаза и задремала.

– Конечно, миледи. – Альфред стащил с головы шапку, смущенный тем, что высокородная дама просит у него разрешения. – Похоже, мамаша довольна, что вы станете хозяйкой ее мальчика.

Пенелопа вошла в дом с заднего хода, бросила плащ и шляпу у двери, поднесла щенка к лицу, прислушалась к его урчанию, вдохнула кислый запах. В зале послышались голоса. Девушка тихонько приоткрыла дверь, заглянула внутрь. Вокруг очага сидели ее мать, отчим, Жанна и Доротея, а также еще один гость. У Пенелопы перехватило дыхание; инстинкт подсказывал бежать без оглядки, однако ноги словно приросли к полу. Она с легкостью узнала Сидни даже со спины. Ошибки быть не могло.

Очевидно, почуввав волнение хозяйки, щенок принялся тонко залиристо твякать. Все обернулись. Доротея радостно взвизгнула и, забыв о приличиях, опрометью бросилась к сестре:

– Это твой? Откуда? Как его зовут?

Пенелопа разозлилась из-за того, что Сидни неожиданно вторгся в семейный круг, однако за недовольством скрывались более глубокие и сильные чувства. «Почему я так рада и в то же время не рада его видеть?» – думала она. Девушка старалась не смотреть на Сидни, но не могла отвести глаз – казалось, он сиял, словно Христос на картине, и, несмотря на простой черный наряд, затмевал всех, даже ее отчима в золоченых одеждах и мать, признанную красавицу.

– У него пока нет имени, – наконец сбросив с себя оцепенение, ответила Пенелопа.

– Надо как-то его назвать, – объявила Доротея.

Пенелопа вошла в зал, передала щенка сестре, поцеловала мать и отчима и наконец, присев в реверансе, сдержанно подала руку Сидни. Ей пришлось призвать всю силу воли, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Миледи. – Тот учтиво поклонился, задержав ее руку в своей дольше положенного. Пенелопа подошла к Жанне и Доротее, забрала у них щенка и поцеловала в мордочку. Она чувствовала на себе пристальный взгляд Летиции – та явно догадалась, что внешняя холодность дочери неспроста.

– Может, назовем его Шевалье? – предложила Жанна.

– Слишком трудно произнести, – ответила Пенелопа.

– Почему бы тебе не предложить ему имя, Сидни? – Лестер похлопал племянника по спине. – Ты ведь у нас златоуст.

Летиция по-прежнему внимательно смотрела на дочь:

– Пенелопа, что с тобой? Ты бледна.

– Все в порядке, матушка. – Не иначе мать заподозрила беременность. Пенелопа встала так, чтобы Сидни хорошо ее видел, прижала зверька к подбородку и проворковала: – Я сразу его полюбила.

– И как вы назовете этого милашку? – поинтересовалась Доротея у Сидни.

– Сперва я должен получше узнать его. Иди ко мне, малыш!

Он протянул руку, чтобы взять щенка, но Пенелопа покачала головой:

– Ему хочется спать. Не стоит его тревожить.

– Похоже, он совершенно доволен тем, где находится. – Сидни ловко превратил отказ в галантный комплимент. – Без сомнения, любой юнец будет счастлив оказаться столь близко к леди Рич.

Пенелопа побледнела, услышав свое новое имя из уст, еще недавно прижимавшихся к ее губам.

– Что вы думаете об имени Сперо? – спросил Сидни.

– «Надеюсь». Очаровательно. Да, Сперо – отличное имя. К тому же латинское, чтобы никто не решил, будто мы игнорамусы¹², – поддела его Летиция. – Или правильно «игнорама»?

– Полагаю, первый вариант верен, – отозвался Сидни.

– Мне кажется, прекрасный выбор, не так ли, Пенелопа? – поддержал его Лестер.

– Я подумаю. – Как она ни пыталась сохранять спокойствие, прерывистый взволнованный голос выдал ее чувства. Девушке невольно вспомнился девиз Сидни на недавнем турнире: «*SPERAVI*» – «Я надеялся», перечеркнутый, чтобы сильнее обозначить утрату. Ее собственное ощущение утраты только усилилось.

– Когда ты возвращаешься к Хантингдонам? – обратилась она к сестре, чтобы сменить тему.

– Послезавтра, – упавшим голосом ответила Доротея. Пенелопа вспомнила свое унылое житье в доме опекунов. Каково бедняжке одной в столь мрачном месте?

– Ничего. – Пенелопа пожала сестре руку. – Скоро ты окажешься при дворе, рядом со мной, не так ли, матушка? – Взгляд Сидни тревожил, словно корка на царапине, которую так и хочется содрать.

– Если на то будет воля ее величества, – горько ответила Летиция.

Пенелопа внезапно почувствовала, что ей просто необходимо покинуть зал.

– Прошу прощения, – проговорила она. – Схожу на кухню, накормлю щенка. Жанна, ты со мной?

Оказавшись за дверями, девушка схватила подругу за руку, поспешно поволокла за собой по коридору.

– Что он здесь делает? – стоило им оказаться за пределами слышимости, спросила она.

– Я хотела предупредить, но не успела. – Жанна внезапно погрустнела.

– В чем дело? – забеспокоилась Пенелопа.

– Твой отчим хочет устроить брак Сидни и Доротеи.

– Женить его на моей сестре! Не может быть! – Пенелопа схватилась за стену, чтобы не упасть. – У Сидни нет средств, чтобы взять в жены девушку из рода Деверо. – Она опустилась на скамью у окна.

Жанна села рядом, обняла подругу за плечи.

– Я думала, Лестер рассчитывал выдать ее за короля Шотландии, – пробормотала Пенелопа. – Почему он отказался от этой мысли? Теперь, когда я привела в семью Рича, моя сестра может выйти за кого пожелает...

¹² *Игнорамус* (калька с латыни) – невежественный, необразованный человек.

– Думаю, твоя сестра не желает выходить за Сидни. Мне кажется, она даже не знала, по крайней мере если судить по ее лицу, когда об этом сообщили. – Жанна погладила Пенелопу по волосам. Общим было хорошо известно: если таково желание Лестера, значит, Доротея станет женой Сидни, хотя бы они того или нет.

– Счастливица, тебе-то никто не выберет мужа насильно... – Пенелопа осеклась и прикрыла рот рукой, вспомнив, при каких ужасных обстоятельствах Жанна лишилась родителей. – Прости, я не хотела.

– Ничего. В любом случае я пока не рвусь замуж.

– Ты добрая, не то что я – избалованная и злопамятная. – Как хорошо иметь верную подругу, которой можно доверить секреты.

При звуке приближающихся шагов девушки умолкли. К ним направлялся Сидни. Он остановился перед ними и натянуто улыбнулся:

– Простите, что прерываю вашу беседу, дамы. Прошу вас, позвольте мне побеседовать с леди Рич наедине? – Похоже, за отрывистыми словами скрывалось сильное чувство – не то гнев, не то горе.

– Я отнесу малыша Сперо на кухню и накормлю. – Жанна взяла спящего щенка и удалилась.

Сидни сел рядом с Пенелопой. Та слегка отодвинулась.

– Хотел бы я знать, отчего вы так веселы. – От горечи, звучащей в его голосе, в ее душе все перевернулось.

– Вовсе я не весела, – проговорила она, позволив себе слегка ослабить внутреннюю защиту. – Не очень-то весело слышать, что вы женитесь на моей сестре.

– О господи! – Он вытер пот со лба. – У меня нет намерения жениться на Доротее. Я просто подшучивал над дядюшкой.

– Почему я должна вам верить? Вы не давали повода для доверия.

Сидни понурился и стал совершенно не похож на элегантного, блестящего молодого человека, каким всегда казался. Пенелопе страстно захотелось прикоснуться к нему. Ей пришло в голову, что романтический идеал, которому она поклонялась все эти годы, не имеет ничего общего с реальным человеком. Однако этот Сидни, сутулый, рябой, угрюмый, с редкими волосами и, как она только что заметила, обкусанными ногтями, похитил ее сердце и запер в клетку, словно птицу.

– Мне не следует разговаривать с вами наедине, – произнесла Пенелопа. – Я замужняя женщина. – Сидни вздрогнул. – А вы будете обручены с моей сестрой. Даже вам не под силу ослушаться Лестера.

На его лице отразилось отчаяние.

– У меня кое-что есть для вас. – Он извлек из-за пазухи сложенный листок бумаги и робко протянул Пенелопе.

– Сонет, – констатировала та очевидное, чтобы не молчать.

– Один из многих. Прочтете? Если в вас есть хотя бы толика сочувствия... – Сидни осекся, но продолжил, глядя в сторону: – Я хотел бы услышать, как вы читаете мои стихи.

– «Когда Природа очи создала / Прекрасной Стеллы...» – еле слышным шепотом начала Пенелопа.

Она дочитала сонет до конца, уронила руки на колени и, глубоко вздохнув, спросила:

– Стелла – это я?

Сидни кивнул. В его светлых глазах стояла такая скорбь, что Пенелопа не могла в них смотреть, но в то же время не в силах была отвести взгляд.

– Стелла – далекая звезда. А кто вы?

– Я – Астрофил.

– Любящий звезду, – прошептала Пенелопа. – Значит, вы меня любите?

Он снова кивнул. По его губам пробежала тень улыбки.

– Что заставило вас передумать?

– Не знаю. Я был подавлен тем, что утратил наследство Лестера и милость королевы. Думал, мне нечего предложить вам... по сравнению с Ричем. – Сидни выплюнул имя ее мужа, словно змеиный яд, высосанный из раны. – Я не понимал, насколько глубоки мои чувства, пока не стало поздно. Любовь всегда застаёт врасплох. Кроме того, вам, как и мне, хорошо известно, что вступать в брак по зову сердца – безумие, – торопливо произнес он, утратив всякую самоуверенность. Пенелопа и не подозревала, какая ранимая душа скрывается под панцирем напускной неприступности.

– Безумие или путь к счастью? – не скрывая цинизма в голосе, спросила она.

– Я думал, любовь пройдет, но ошибался.

– Тем не менее вы все равно не сочли меня достойной борьбы.

– Нет!

Пенелопе отчаянно хотелось взять его за испачканную чернилами руку, прижаться к нему, позволить себе поддаться чувствам.

– Я боролся за вас. Я обратился к королеве с просьбой позволить мне просить вашей руки, напомнил ей о последней воле вашего отца.

– Вы обращались к ее величеству? – Пенелопа начала понимать, что совершенно не представляет, как обстоят дела на самом деле.

– Она рассмеялась мне в лицо и осведомилась, с чего я взял, будто человек, не оправдавший ожиданий, – да-да, это про меня, – достоин ухаживать за ее любимой фрейлиной. Теперь я отлучен от двора. Я не могу тебе полностью доверять, Сидни, сказала она. – Он закрыл лицо руками, словно от стыда. – Королева считает меня чересчур прямолинейным и не одобряет мою дружбу с католиками, – еле слышно произнес он. – Но я привык говорить откровенно, а верность для меня – дело чести, даже если речь идет о тех, кто исповедует иную веру.

– Значит, она во всем виновата. – У Пенелопы перехватило дыхание от ненависти к женщине, навлекшей многочисленные несчастья на ее семью. – Теперь я навсегда связана узами брака с этим человеком. – Итак, что Бог сочетал, человек да не разлучает¹³.

– Выходит, брак подтвержден, – пробормотал Сидни, по-прежнему не в силах взглянуть на Пенелопу.

– Разумеется, – прошептала она.

– Я питал призрачную надежду, что найдется способ... – Он замялся, будто затрудняясь облечь мысли в слова. – ...расторгнуть этот союз, и через какое-то время мы могли бы убедить всех... – Он снова замолчал. – Что за глупые мечты!

Сидни удрученно взглянул на Пенелопу, протянул к ней руки, и она позволила себе упасть в его объятия. Они крепко обнимали друг друга, забыв обо всем, пока звук шагов не заставил их отпрянуть. Мимо прошел один из секретарей Лестера с кипой бумаг. Влюбленные сидели молча, глядя в пол, пока тот не скрылся за дверью.

– Позвольте мне навестить вас в ваших покоях сегодня вечером.

– Я не могу.

– Умоляю вас.

– Нет, нет! В любом случае я буду не одна. Со мной спят Доротея и Жанна.

– Тогда где-нибудь в другом месте. Прошу!

– Нет! – Пенелопа не могла смотреть на Сидни, опасаясь, что утратит решимость. – А как же Доротея? Вы обручены с моей сестрой.

– Я не обручен.

– Значит, будете, – сказала она. – Вам пора.

---

¹³ Евангелие от Матфея 19:6.

Казалось, миновала целая вечность.

– Вам пора, – повторила Пенелопа.

Сидни встал и медленно побрел прочь. Ее сердце разрывалось от тоски.

– Я буду ждать вас, – оглянувшись, проговорил он. – В музыкальном зале с видом на реку... я готов ждать всю ночь, если потребуется.

Март 1582, Лейз, Эссекс

За четыре месяца замужества Пенелопе еще не доводилось бывать в Лейзе. Все это время она находилась при дворе, завоевывая милость королевы и пытаясь разобраться в сложной паутине связей, опутывающих правительницу Англии. Среди придворных снова ходили слухи о покушении, и все изрядно волновались, сама же Елизавета была холодна, словно зимний пруд. По правде говоря, Пенелопа уезжала с легким сердцем. В ожидании мужа она сидела в спальне у очага, безуспешно пытаясь не думать о Сидни. С их последней встречи прошло около трех месяцев – три месяца мнимого счастья. Девушка подложила полено в огонь и зевнула, гадая, сколько еще ей придется ждать супруга; тот исступленно молился в часовне.

Днем Пенелопа с Жанной решили осмотреть дом и долго блуждали по темным извилистым коридорам. Когда-то здание принадлежало церкви; в темных углах скрывались резные изображения святых или креста. Здесь царил та же суровая атмосфера, что и в смитфилдском особняке, в котором Пенелопа ночевала, когда ее присутствие при дворе не требовалось. Во время каждого визита ей приходилось исполнять супружеский долг. Это происходило так же скромно, как в первый раз, а Рич, днем отстраненно вежливый, по ночам резко преображался – его переполнял гнев. Он ни разу не поднял на Пенелопу руку, но она постоянно чувствовала исходящую от него угрозу. Немного утешало, что за стеной находится верная Жанна, однако в то же время смущало, что та вынуждена слушать изливающийся из уст Рича поток библейских цитат попеременно с сопением и стоном. Когда муж заканчивал свое дело и уходил, Пенелопа стучала в стену, и сонная Жанна тихонько пробиралась в спальню и ложилась к ней в кровать.

– Неужели все это твое? – воскликнула француженка по приезде в Лейз. Девушки, держась за руки, взбежали по главной лестнице, ворвались в большой зал и со смехом закружились посреди огромного помещения.

– Мое, но не мое, – ответила Пенелопа, когда первый восторг утих. – Дом выглядит мертвым, будто здесь много лет никто не жил. – Она с радостью осталась бы у матери в Уонстед, где они заночевали по пути в Лейз. Уонстед запечатлелся в ее памяти уютным и безмятежным, словно рай на земле, – залитый солнечным светом, наполненный музыкой и радостными воспоминаниями о кратких встречах с семьей, казавшимися еще слаще по сравнению с жизнью у Хантингдонов на севере, где суровая погода полностью соответствовала местным нравам.

Хмурый слуга показал Пенелопе ее покои – три проходные комнаты, выходящие окнами на север. Свет загораживали три огромных вяза; древние узловатые деревья склонились друг к другу, словно старики, обсуждающие какую-то тайну.

Жанна помогла Пенелопе раздеться и расчесать волосы, напевая недавно разученную песенку – тихонько, чтобы никто не услышал: Рич недвусмысленно дал понять, что музыка в этом доме под запретом. Когда подруга ушла, Пенелопа устроилась у очага; ее мысли вернулись к памятной ночи в Лестер-хаусе.

После разговора с Сидни она лежала в постели без сна, переполненная гневом и смущением. Господь словно в насмешку заставил ее полюбить – ибо что это, как не любовь, если жизнь в разлуке кажется бессмысленной, – однако дал в мужья человека, которому она совершенно безразлична. Рядом крепко спала Доротея. Мысль о том, что Сидни женится на ее сестре, казалась Пенелопе невозможной, невыносимой, как мысль о собственной смерти. Осознание, что он ждет в музыкальной гостиной – «всю ночь, если потребуется», – волновало и тревожило, словно луна, притягивающая море. В конце концов, не в силах противиться этому зову, девушка выскользнула из постели навстречу ночной прохладе.

В спальне было холодно; в слабом свете луны серебрился пар от дыхания. Пенелопа потуже запахнула халат, накинула на плечи шаль. Не пристало являться перед Сидни в ноч-

ной рубашке, подумала она. Впрочем, для подобного свидания ночная рубашка подходит как нельзя лучше. Не давая себе времени на размышления, Пенелопа подхватила щенка, надела домашние туфли и, неслышно, словно призрак, вышла из комнаты.

Касаясь рукой стены, девушка двигалась по темному коридору. Наконец из-под двери показался серебристый луч света. Только тогда она осознала, что именно собирается сделать. В памяти возникло постыдное слово: *прелюбодейка*. Вспомнив скомканые, начисто лишенные нежности события брачной ночи, Пенелопа засомневалась, готова ли пережить подобное с Сидни, однако в глубине души желала, чтобы их встреча состоялась. Если двое любят друг друга, все наверняка происходит совсем иначе. От этой мысли внизу живота приятно затрепетало.

Пока Пенелопа боролась с чувствами, мужчина, ожидающий за дверью, стал казаться еще более чужим и далеким, воплощением греха, который погрузит ее душу в безбрежный хаос или, еще хуже, подарит удовольствие, которому она не сможет противостоять.

В темноте девушка наткнулась на стул; тот с грохотом упал. Подобрав подол, она бросилась прочь. Дверь открылась.

– Стелла, любовь моя, вернись, – с тревогой произнес Сидни.

Пенелопа промчалась по длинному коридору, взбежала вверх по лестнице и остановилась лишь в спальне. Сердце колотилось так яростно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

– Что случилось? – послышался сонный голос Жанны с топчана.

– Испугалась, вот и все.

– Где ты была?

– Щенку понадобилось на двор, – ответила Пенелопа. Удивительно, как легко ей удалось солгать, и сколько еще раз придется сказать неправду, если она позволит себе поддаться искушению, а каждая ложь – новый грех.

– Так можно насмерть простудиться. – Жанна увлекла ее к себе под теплое одеяло. Щенок притулился между ними. Они уснули, а утром Пенелопа проснулась на топчане и не могла вспомнить, как там оказалась.

После этого Сидни исчез из дворца, но не из ее мыслей; его имя, словно погребальная песнь, неумолчно звучало в ушах девушки и не сходило с уст сплетников, строящих догадки о его судьбе. *Он у сестры в Уилтоне; отправился в Ирландию сражаться вместе с отцом; уехал в Нижние земли*¹⁴. Пенелопа не осмеливалась принимать участие в подобных разговорах, опасаясь, что случайно оговорится и выдаст свою тайну. Она хорошо помнила: любовь меняет человека до неузнаваемости.

Ожидая, пока Рич вернется из часовни, Пенелопа гадала, о чем он так исступленно просит Господа, за какие грехи вымаливает прощение. Вспомнив о подаренном Сидни листке со стихотворением, хранящемся в шкатулке с сувенирами, она усомнилась, нет ли и на ней греха. Грешить можно не только делами, но и мыслями, говорила леди Хантингдон. Раньше Пенелопа не придавала значения ее словам, ведь если думаешь, как бы стянуть с кухни пару слив или солгать о каком-нибудь пустяке, о подобном грехе не стоит беспокоиться. Однако на сей раз – другое дело. Если думать о прелюбодейнии так же грешно, как совершить его, тогда она грешна, ведь ее много раз посещали подобные мысли. Получается, невозможно жить, не согрешив.

На лестнице послышались размеренные шаги Рича. Внутри у Пенелопы все сжалось от тревоги. Он вошел в спальню и легонько коснулся ее плеча. На его лицо упала тень от свечи, придав ему зловещее выражение.

---

¹⁴ *Нижние земли* (англ. Low Countries, нидерл. Lage Landen) – территория современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и северной части Франции.

– Вы не спите. – Неожиданная мягкость в голосе мужа смутила Пенелопу. В ее душе зажегся огонек надежды. – Мне нужна ваша помощь.

– Помощь? – Она совершенно не представляла, чем может помочь.

– Мы с вами обязаны исполнить наш долг. – В его голосе слышался едва ли не страх, будто ему грозила пытка.

Пенелопа кивнула, по-прежнему не понимая, к чему он клонит.

– Дело должно быть сделано. Я хотел бы... – Рич затравленно огляделся, не в силах встретиться с ней взглядом. – Могу я попросить вас надеть вот это?

Он опустил ей на колени аккуратно сложенную стопку одежды.

– Это подарок?

– В некотором роде...

Пенелопа взяла из стопки первый попавшийся предмет. Это оказался черный бархатный берет, отороченный кроличьим мехом, превращавшим его из обычного головного убора в предмет роскоши. Под ним – черный дамастовый дублет изящного кроя, подбитый темно-синим шелком, лосины в пару к дублету, шелковые чулки, столь тонкие, что подошли бы самой королеве, рубашка из полупрозрачного белого льна, крахмальный воротник, на который, несмотря на скромный размер, пошло несколько акров ткани. Похоже, наряд ни разу не надевали.

– Это одежда на мальчика, – растерянно проговорила Пенелопа. – Она вам не по размеру.

Рич ничего не ответил, лишь поднял руки вверх, словно нянька, помогающая маленькому ребенку раздеться. Девушка, не задавая вопросов, повторила его жест. Муж снял с нее через голову ночную рубашку, взамен поспешно натянул белую льняную рубаху, потом передал чулки.

– Маскарад. – Пенелопа слышала, будто бы на карнавале распутные женщины наряжаются мужчинами, носят бороды из шерсти и фальшивые гильфики. Она хотела спросить Рича о смысле подарка, но не знала, как сформулировать вопрос. Ей стало страшно в чужом доме, наедине с едва знакомым мужчиной, захотелось позвать Жанну, однако потом она вспомнила свою брачную клятву – почитать мужа, быть покорной и скромной. *Что Бог сочетал, человек да не разлучает.* Рич застегнул на ней дублет сверху донизу, прикрепил маленький жесткий воротник, затем снял с нее чепец, закрутил волосы в хвост и надел берет. Шелковистая шерсть защекотала уши.

– Встань, дай взглянуть на тебя, – ласково сказал он. Пенелопа подчинилась. Муж подал ей Новый Завет, заложенный на послании Павла к Коринфянам. – Прочти, пожалуйста, отрывок, который я отметил. – Он поставил свечу в подсвечник, чтобы ей было лучше видно.

Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Рич коснулся полы дублета, с наслаждением потер ткань между пальцами, словно в ней заключались тайнства рая. *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют.* Он завороченно слушал, полуприкрыв глаза и приоткрыв рот. *И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего¹⁵.*

Рич молча забрал у Пенелопы книгу, подвел к постели, взял за плечи, развернул спиной к себе и толкнул вперед. Ее лицо оказалось прижато к подушке. В ноздри ударил запах пыли и перьев.

После, когда Рич ушел, Пенелопа сняла мужской наряд и стыдливо затолкала под кровать, словно одежда могла поведать о ее позоре. Заметив темное пятнышко крови на тонкой

---

¹⁵ Первое послание к Коринфянам 6:9-11.

льняной рубашке, она с изумлением догадалась, что ее брак в течение нескольких месяцев не был подтвержден, и мысленно прокляла графиню за строгое воспитание. Находясь она дольше при дворе, среди ветреных фрейлин, была бы менее наивной. Ей казались выдумками их рассказы о том, что мужской член увеличивается в несколько раз, становится твердым, как палка, и из него выделяется семя. Оказалось, все это правда.

От воспоминаний о настойчивых толчках Рича и иступленном зверином рычании Пенелопу замутило. До нее дошло, что в предыдущие разы его стоны были вызваны бессилием и разочарованием. Горячая струйка жидкости между ног развенчала все сомнения – их брак закреплен. Только сейчас Пенелопа осознала, что до сих пор оставалась девственницей и, даже несмотря на принесенные обеты, могла изыскать способ разрушить супружеские узы. Стоило ей объявить, что Рич несостоятелен как мужчина, брак был бы аннулирован. От грустных размышлений ее отвлек стук в дверь.

– Это я, Жанна. Можно к тебе?

– Конечно.

– Я слышала, как Рич ушел, и решила составить тебе компанию.

– Хвала небесам, что у меня есть ты. – Позорный эпизод с переодеванием в мальчика не подавался описанию, однако Пенелопа поделилась с Жанной, что наконец потеряла девственность, радуясь возможности разделить свои печали с подругой.

– Как бы там ни было, дело сделано, – сказала Жанна.

Да уж, подумала Пенелопа.

– Будем надеяться, он заронил во мне свое семя.

– Если бы только я знала... – протянула Жанна.

– Рич попросил меня почитать ему. – Пенелопа задумалась, стоит ли об этом рассказывать, и, решившись, поспешно произнесла: – Из послания Павла к Коринфянам.

– Прямо во время?..

Она кивнула.

– Думаешь, это пуританский обычай?

Пенелопа начала осознавать странность произошедшего и глубину своего незнания. Возможно, религиозная графиня намеренно держала ее в неведении, чтобы она была более сговорчива на брачном ложе.

Едва проснувшись, Пенелопа тут же вспомнила про мужскую одежду под кроватью. Жанна уже встала и приказала слугам растопить очаг. Что им сказать? Эти вещи слишком малы для Рича. И как объяснить кровь? Улучив момент, когда подруга отвернулась, Пенелопа вытащила подозрительные предметы из-под кровати, скатала в комок и завернула в простыню.

– Что ты делаешь? – удивилась Жанна.

– Надо как-то поступить с бельем. Здесь кровь.

Француженка поморщилась:

– Я им займусь.

– Нет, я сама.

Пенелопа испугалась, что ее настойчивость вызовет подозрения, однако Жанна, кажется, ничего не заметила.

– Вообще-то, это моя обязанность, но если хочешь – пожалуйста.

Зажав компрометирующий узел под мышкой, Пенелопа направилась в покои мужа, расположенные в дальнем крыле дома. Она точно не знала, куда идти, поэтому спросила дорогу у пажа и в конце концов очутилась перед массивной дубовой дверью. Ей не пришлось в голову постучать; уже утро, слуги давно встали. Хотя, дай она себе труд задуматься, ее бы насторожило, что в покоях Рича тихо, как в склепе.

Пенелопа толкнула дверь и на цыпочках вошла в спальню. Полог вокруг кровати был задернут, из-под него доносился громкий ритмичный храп. Через несколько мгновений до нее

дошло, что это не храп, а тяжелое дыхание: вероятно, внутри лежит собака, которой жарко в духоте. Девушка отдернула полог. Луч света упал на чье-то лицо. На Пенелопу удивленно смотрел обнаженный юноша. Рядом с ним, уткнувшись лицом в подушку, лежал ее муж.

От потрясения она не могла ни сдвинуться с места, ни отвести глаз.

– Не останавливайся, – простонал Рич. – Ради бога, не останавливайся. – Он нашарил рот юноши и засунул в него два пальца, однако парень отшатнулся. Рич поднял голову и увидел Пенелопу, застывшую, словно библейская жена, превратившаяся в соляной столп.

– Убирайся! – крикнул он. – Убирайся отсюда, ты... ты... *сука!*

Пенелопа опрометью бросилась прочь по лабиринту коридоров, пока не поняла, что заблудилась. Обнаружив маленькую винтовую лестницу, она спустилась до самого низа, различила в темноте контур двери и принялась отчаянно колотить в нее.

– Кто сюда ломится? – Дверь отворилась, за ней оказалась кухня. На пороге стоял мужчина в окровавленном переднике и с ножом в руке – вероятно, повар или мясник. – Прошу прощения, миледи, – он снял шапку. Все, кто находился на кухне, обернулись и как по команде обнажили головы.

Вперед вышла грудастая женщина:

– Миледи, вам дурно?

Не в силах вымолвить ни слова, Пенелопа лишь покачала головой.

– Вы небось повстречали призрака. Он бродит по верхнему коридору, потому мы и держим дверь на запоре, хотя вряд ли замки его останоят. Так вы его видели, миледи?

– Да. Кажется, это призрак, – онемевшими губами пробормотала Пенелопа.

– Идемте, миледи, – женщина протянула ей руку. – Бог мой, да вы холодная, как смерть. Садитесь у очага; я сделаю вам поссет¹⁶ и пошлю за вашей служанкой. Эй, ты, – она щелчком пальцев подозвала паренька, безмозгло тарашившегося на хозяйку дома, сидящую в ночной рубашке у огня, – приведи сюда новую горничную-француженку. – Она обернулась к Пенелопе: – Давайте-ка мне ваш сверток. Ума не приложу, зачем вам бродить по верхнему коридору с тюком белья. У нас прислуги больше, чем крыс в Лондоне.

Только сейчас Пенелопа заметила, что по-прежнему прижимает к груди злосчастный узел, и стиснула его еще крепче.

– Идемте ко мне в прачечную, там тепло, чисто и не воняет кухней, – понимающе кивнув, проговорила женщина.

Пенелопа покорно направилась за ней через мощный двор в хозяйственную пристройку. Воздух там был спертый от жары и едкий от щелока. Над огнем в чане кипела вода, на рейке под потолком висели ряды простыней. Девушка опустила на скамью и бросила сверток на пол. Оттуда вывалилась мужская одежда.

Женщина без удивления подняла ее и внимательно осмотрела, затем швырнула окровавленную рубашку и скомканную простыню в корзину с бельем, смятый до неузнаваемости воротник положила на стол, а остальное отодвинула в сторону и, тяжело вздохнув, села рядом с Пенелопой.

– Я знаю лорда Рича с младенчества. В молодости я ходила у него в няньках, так что все его причуды мне хорошо известны.

– Причуды... – повторила Пенелопа.

– С мальчиками. У некоторых мужчин бывают такие наклонности.

– Но... – К глазам девушки подступили слезы, перешедшие в рыдания. Женщина раскрыла объятия и прижала ее голову к своей объемистой груди. Разумеется, Пенелопа слышала о подобном, но не решалась произнести вслух, ибо даже помыслить о столь противоестественном деянии казалось кощунством.

---

¹⁶ *Поссет* – горячий напиток из молока, вина и пряностей.

– Это гораздо более распространено, чем вы думаете, юная леди. Желания плоти не всегда поддаются объяснению.

– Но он же богобоязненный человек, пуританин, – все, что она смогла сказать.

– Возможно, как раз поэтому. – В словах женщины была своя логика. – Знайте, я с вами. Коли вступите в грязь, сразу зовите мистрис Шиллинг. И помните, ваш муж в душе хороший человек, просто его терзают внутренние демоны. Уверена, у вас скоро появится ребеночек и все будет хорошо. Когда держишь на руках собственного малыша, остальное не имеет значения.

Слезы у Пенелопы высохли. Мистрис Шиллинг подала ей льняной платок и надела на нее накрахмаленный чепец.

– Ну вот, теперь вы как новенькая.

Рич позвал Пенелопу к себе лишь во второй половине дня, после ее возвращения с верховой прогулки по пустошам. Привычный аллюр Красотки действовал успокаивающе. Не обращая внимания на предостережение Альфреда побережись, девушка прищипорила лошадь и представила, как ветер уносит прочь воспоминания об утреннем происшествии. Плащ взметнулся в воздух, словно крылья, в ушах стоял грохот копыт. На краю леса Красотка остановилась; невдалеке паслось небольшое стадо оленей. Молодой самец шагнул вперед и гордо замер, бесстрашно глядя на Пенелопу большими влажными глазами. Она тут же вспомнила своего первого убитого оленя; сожаление, что пришлось лишиться жизни столь прекрасное создание, навело на мысли о Сидни.

Пенелопа часто размышляла – если бы ей достало смелости прийти той ночью в музыкальный зал и отдать свое девичество возлюбленному, что тогда? Однако по пути в покои Рича ее посетила иная мысль: возможно, неприятное открытие о муже послужит ей на пользу.

Внезапно девушка поняла: она не желает становиться жертвой обстоятельств. Если ей суждено участвовать в придворных интригах, отстаивая интересы рода Деверо, значит, пора учиться превращать недостатки в достоинства. Власть можно получить не только грубой силой или плетением политических интриг, но и используя чужие секреты. Она вспомнила молодого оленя, его бесстрашный взгляд, и почувствовала перемену в себе, словно по венам потекла не кровь, а жидкая сталь.

Пенелопа постучалась в кабинет Рича; тот открыл дверь – бледный, взволнованный. Оба сели.

– Вы сможете простить меня? – наконец проговорил он.

– Просите прощения у Господа. Но если вы имели в виду, понимаю ли я вас, то да, понимаю... – Она пристально посмотрела на него. Он отвел взгляд. – Хотя многие не поймут.

– Мой позор бросит тень и на вас, если станет известно о моих... моих...

– Ваших прегрешениях?

Рич кивнул.

– Мы еще недостаточно хорошо знаем друг друга, – продолжила Пенелопа. – Со временем вы поймете, что меня не волнует мнение окружающих. – Только сейчас, произнеся эти слова, она поняла, что так оно и есть. Ее мать страдает от изгнания и общественного осуждения. Она, Пенелопа, страдать не станет. – Нас, Деверо, непросто сбить с ног.

– Умоляю вас хранить молчание, – униженно взмолился Рич, вцепившись ей в рукав. От злобного тирана, каким Пенелопа увидела его в брачную ночь, не осталось и следа. Ее охватило неведомое доселе чувство могущества, словно за несколько часов она из девочки превратилась во взрослую женщину.

– Вам нет нужды просить, стоит лишь заключить сделку. – Пенелопа встала и принялась расхаживать по комнате, как много раз делал Лестер. На удивление, ей понравилось чувствовать свое превосходство.

- Сделку? Не понимаю, что вы имеете в виду. – Рич медленно вытер губы ладонью. – Хотите сказать, у вашего молчания есть условия?
- Именно так, – ответила Пенелопа, мысленно прикидывая список требований.
- Не просите меня отречься от пуританской веры, она единственная дает мне надежду... на искупление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.